

М.Г. Цароева

ОБ ИНГУШСКИХ ПОЛУБОЖЕСТВАХ НАРТАХ¹

Нарты как персонификация взаимоотношений двух групп племен: жителей плато и горцев

В религиозном пространстве предков ингушей действовал ряд персонажей, Нартов, занимавших место выше простых смертных, но ниже божеств. Они подразделяются на две противоборствующие фратрии: Нартов-горцев и Нартов-равнинников. Нарты-горцы относятся к святому семейству Калой, миролюбивых титанов-животноводов, лучшими представителями которых являются: Калой-Кант, Пхагал-Баре, Охкар-Кант, Гарда-Закт и другие. Нарты, живущие на плато, Орхустхой, отличаются воинственным характером и проводят жизнь в набегах и войнах. Среди них выделяется своей удалью и дерзостью их предводитель Соска Солса, имеющий «советником» Ласку Батака-Шертако. Самыми известными из его «братьев по оружию» являются Сели Пирьюо, Хамча Патариш, Кинда-Шоа, Тахшако.

Имена персонажей Нартского эпоса были подвержены лингвогеографическим альтерациям. Ингушский фольклорист Чах Ахриев, собиравший мифы и легенды в горах и в плос-

¹ Сокращенный вариант из рукописи книги «Пантеон ингушей».

костных регионах Ингушетии в 1860–1870-х годах, пишет: «В тексте некоторых сказаний у меня различно написаны имена героев: так, напр., в одном месте значится: Барким, а в другом: Баркум; то же самое следует заметить об имени Батоко-Шертуко, или Шуртуко и Ширтга. Это произошло от того, что сказания мною были записываемы в различных местностях, т.е. в горах и на плоскости: в горах говорят — Баркум, а на плоскости — Барким; так же в первой местности — Соска, а в последней — Сеска. Вообще в горах слышатся яснее о, у, а на плоскости эти звуки превращаются в у, е. Вопрос: какое наречие чище, плоскостное или горское? Назрановцы считают свое наречие чище и деликатнее, поэтому относятся к горскому говору с насмешкою и презрением. Но, конечно, горское наречие чище, самобытнее, на него менее имели влияние посторонние наречия» [Ахриев 1875: 40].

Кроме того, кавказские и русские фольклористы более позднего периода передавали произношение ингушской лексики в русской транскрипции; и каждый автор писал то, что он слышал. Имя Патариш, таким образом, представлено следующими вариантами: Патараш, Патриж, Патирж... Имя «главного советника» Соска Солсы, Батака Шертако, имеет свои альтерации: Ботки Ширтка, Ботоко Ширтка, Батыг Шертга, Батиг-Шертак, Ботоко-Шертоко и другие. Название нартского рода Калой дало рефлексy Колдой, Колай.

Самые глубокие страты ингушской мифологии — имена эпических героев Нарт-Орхустхой и Нарт-Калой — имеют много общих черт с мифическими героями и божествами месопотамских и анатолийских народов, проникшими в эпоху их возможного культурного синкретизма и симбиоза с племенами хурритов, урартов, хеттов, фригийцев. Первые же попытки сопоставить деяния кавказских эпических героев (или полубожеств) с хуррито-хеттскими мифами из дешифрованных клинописных табличек позволяют возвести патроним 'Нарт' к хурритскому теониму 'Нарата (Narata)', обозначающему «паредрию божеств в хуррито-хеттском пантеоне с возможным заимствованием из шумерского языка»: На-ра-а-та На-ам-ша-ра-та («Паредрия божеств На-ам-

ша-ра-а-та») [Laroche 1980: 178–179]¹. Термин ‘паредрия’ обозначает группу ‘паредров’, а слово ‘паредр’ объясняется как «низшее божество, находящееся в свите более значимого божества» [Tresor de la langue française 1986: 974–975].

Примером употребления термина ‘паредрия’ может послужить один из фрагментов хурритского мифа, где он представлен под собирательным теонимом ‘Нарата’, группы старых богов, управляющихся со сменой поколений в потусторонний мир, мир отживших свой век божеств и предков людей [La Naissance du monde 1994: 160–161]:

*«Слушайте, боги небесные
И боги мрачного подземного мира!
Пусть слушают всеильные боги **Нара(та)**,
Нашшара, Мин(ки), Аммунаки, Аммезаду,
Старые боги, отцы и матери богов, пусть слушают!»*

Следовательно, ‘паредрия’ охватывает божества, бывшие прежде всеильными, но низведенные в ранг второстепенных. В таком случае сложный теоним ‘Нарт-Орхустхой’ может быть понят как «Паредрия Орхустхой», божеств (или небожителей), находящихся под предводительством Соска Солсы, бывшего солярного бога. Мифы постоянно подчеркивают рождение Соска Солсы из «голубого камня» (‘сийна кхер’), из «каменных небес».

Ингушская версия эпоса о Нартах позволяет обнаружить в эпических героях-титанах древние божества, утратившие свои культы. Имена и деяния ингушских Нартов напоминают часто анатолийских и месопотамских мифических героев, паредрию «античных» божеств. Можно даже сказать, что древние шумеро-хурритские божества Нарата («Паредрия божеств») продолжили свою жизнь на Кавказе. Они нашли надежное убежище в мифо-

¹ Na-ra-a-ta Na-am-sha-ra-ta. С теонимом ‘Нарата (Narata)’, считает Эммануэль Ларош, связан также теофорический этноним ‘Нашаки (Nashaki)’, совпадающий с именем довольно активного эпического героя Нашихи. Теоним ‘Нара (Nara)’ был заимствован хеттами у хурритов [Laroche 1947: 126].

логии ингушей, наиболее консервативных из кавказских народов, где со временем были низведены в ранг эпических героев, сохранивших, однако, свою долю божественности.

Столетний старец Казбык Келигов-Буржаев, дававший Баширу Далгату в 1890–1893 гг. сведения об ингушской старине, считал Нартами обе противоборствующие фратрии: и Калой, и Орхустхой. Проанализировав собранный им мифологический материал, содержащий древнейшие мотивы, Башир Далгат подтвердил точку зрения этого знатока ингушской мифологии, религиозных верований и обычного права. Этот анализ позволил включить ингушскую версию в общекавказский цикл эпоса о Нартах в качестве одного из его звеньев [Далгат 1901: 81–82].

Этимология патронима 'Нарты' восходит к шумеро-хурритскому пантеону, где он обозначал «античных» божеств, отправленных в потусторонний мир новым поколением божеств. Деяния Нарт-Орхустхой и Нарт-Калой являются отголосками этих «античных» божеств, сохранившихся в верованиях и мифологии ингушей в качестве полубожеств и мифических героев.

Речь идет, по всей видимости, о божествах различных протоингушских племен, живших в горах и на плато. Отсюда и их противоречивое отношение к этим персонажам. Одна из двух групп полубожеств, Орхустхой, постоянно действовала в горах ПаллГай-че (в Ингушетии). Ч. Ахриев пишет: «По какому-то странному обстоятельству, местом действий как орхустойцев, так и нартов служит Галгаевское ущелье, между тем постоянное жительство этих героев, как уверяет народное сказание, есть Осетия, именно Санаби (Саниба). В Галгае много памятников, свидетельствующих о Соска Солсе» [Ахриев 1870: 2]. Казбык сообщил тоже Баширу Далгату, что Орхустхой проживали в селении Саниба, а Калой-Кант был ПаллГаевцем [Далгат 1901: 37].

Со временем в мифах ингушей, которые, как все кавказские народы, чтили в мужчине прежде всего воинскую доблесть, храбрость и отвагу, Орхустхой, наделенные сполна этими качествами, получили положительную окраску: бывший жрец Ганыж признавал, что Нарт-Орхустхой были более отважными и дерзкими, чем Нарт-Калой. Ингушские полубожества имели

мало мифических черт и были близки к народу, который, создавая сюжеты об их деяниях, вложил в них часть самого себя.

Постепенно наладившиеся тесные контакты жителей гор и равнины привели к сближению их божеств и полубожеств. У предводителя Нарт-Орхустхой, Соска Солсы, были «клятвенные братья» среди галггаев: Калой-Кант, Пхагал-Бяри, Бятар [Далгат 1972: 143]. По ингушским обычаям, представители одного рода уже считались «братьями». Следовательно, они относились к двум различным родам или племенам.

Ингушские племена в отдаленные времена проживали в горах и на плато. Постепенно под натиском завоевателей они вынуждены были отступить в горы и осесть в малодоступных ущельях. Некоторая часть из них продолжала жить на прежних территориях, сталкиваясь с различными завоевателями. Эта идея, изложенная в работе Жоржа Шарашидзе «Прометей или Кавказ» на основе данных о кавказских горцах [Charachidze 1986], совпадает с выводами, к которым пришел историк Макшарип Мужухоев [Мужухоев 1995].

Мужухоев тоже считает Нарт-Орхустхой и Нарт-Калой персонализацией столкновений представителей древних племен: жителей гор и жителей плато [Мужухоев 1995: 8–9]. История и археологические раскопки последних лет показали, что племена ингушей и чеченцев в I тыс. до н.э. устойчиво фиксируются в горах Центрального Кавказа и в предгорье. Данный период совпадает хронологически с древней культурой, известной как «Кобанская», подлинность которой признана всеми исследователями. Этнографические исследования этой культуры подводят к заключению, что «кобанцы» Северного Кавказа были «находязычными». Они явились субстратом в формировании ряда племен Центрального Кавказа. Древние и более поздние «кобанцы», считает М. Мужухоев, были в постоянных контактах с иранским степным миром. Раннесредневековые предки ингушей, жившие на плато, входили в многоязычное государственное образование, называемое Аланией. Ареалы их расселения на плато были разрушены в начале XIII в. с татаро-монгольским вторжением. После распада Алании под ударами кочевников предки равнинных ингушей покинули

на долгое время свои земли и ушли в горы. Элемент жителей гор оставался стабильным как в раннем Средневековье, так и в более поздние периоды.

Горцы занимались традиционным натуральным хозяйством, выращивая скот (преимущественно овец), обрабатывая землю, занимаясь кустарными ремеслами, садоводством и пчеловодством. Иначе говоря, они вели довольно однообразную и монотонную жизнь, прерываемую время от времени набегами других кавказских племен, и были относительно мирными.

Жители плато, напротив, вынуждены были постоянно защищать свою землю от всевозможных завоевателей. Этот образ жизни поддерживал и развивал у них воинственный и независимый характер. Набеги чужеземцев, уничтожавших урожаи, разрушавших жилища, уводивших скот и их самих в рабство, вынуждали их тоже заниматься набегами, в том числе к сородичам-горцам. Поэтому предки ингушей-горцев, отождествлявшие себя с Нарт-Калой, создали мифы о Нарт-Орхустхой как о «божьей каре».

Исследователи считают, что деяния Нарт-Орхустхой являются отголосками образа жизни «кобанцев», жителей плато. Совершая частые набеги на территории соплеменников-горцев, они в то же время искали у них сочувствия и поддержки в трудные периоды жизни. Когда же не получали их, то проклинали горцев, как это сделал Соска Солса по отношению к Накъастхой, древнему племени и современному большому ингушскому роду [Далгат 1901: 38–39]. Однако осознание принадлежности Нарт-Орхустхой к одному с ними народу способствовало у горцев постепенному нивелированию отрицательных черт их характера.

Мифический герой Чопа Бораган как типичный пример низведения божества в ранг эпического героя

Мифология и древние верования ингушей предоставляют значительное количество фактов, свидетельствующих, что в течение их

многовековой истории они находились в тесных контактах с соседними народами Кавказа и с древними народами Анатолии. Следуя священному обычаю гостеприимства, они принимали в свое общество чужие племена по особенному ритуалу «братания». В связи с этим ингушский пантеон отличался многослойностью, дублированием и даже триплированием (например, астральных, грозовых или inferнальных) божеств. Такое множество богов перегружало религиозное сознание людей, и они стали постепенно разгружать свой пантеон. Привнесенные новопришельцами божества становились «клятвенными братьями» местных, занимая второстепенные позиции в пантеоне, как и их почитатели, ставшие «младшими братьями» местных обществ. Пантеон населяли также «античные» божества, деяния которых были забыты, но которые продолжали почитаться по традиции (Санибарда, Байни-сели, Мизир и др.). Некоторые божества были низведены в ранг субальтерных, полубожеств и эпических героев.

Примером низведения божества до уровня мифического героя может служить среди прочих Чопа Бораган (Бораган, сын Чопа), один из представителей братства Нарт-Орхустхой. Башир Далгат сообщает, что ингуши считали его божеством, хотя его имя уже не упоминалось в молитвах и ему не приносили жертв. Он перешел в ранг полубожества, мужа златовласой богини леса Дали, подарившей ему способности охотника, бьющего без промаха. В более поздние периоды древнеингушское имя этой богини, 'Дали', было заменено на 'Алмас' в период пока мало изученного тюркско-кавказского симбиоза¹.

Имя божества Чопа Бораган построено по правилу ингушского этикета: на первом месте стоит имя отца — Чопа, на втором имя сына — Бораган. Народная этимология объясняет имя 'Бораган' как «Покровитель леса» [Laroche 1980: 136].

¹ Карачайцы и балкарцы называли богиню леса Алмасты. У кумыков она звалась Албаслы. Восточные татары и башкиры назвали ее Албасты и Алвасты, казахи и каракалпаки — Албис. Иначе говоря, имя этой богини является альтерацией мусульманского демона Иблиса, вытеснившего у тюркских народов название «местного» злого духа [Цароева 2011: 63].

Попытки объяснить этимологию имени его отца, ингушского античного божества Чопа, на основании языков северокавказских народов оказались безрезультатными. Г.Ф. Чурсин предложил считать его божеством грозы и молнии, вытесненным библейским пророком Илией, ставшим общим для кавказских народов, или же таким локальным божеством, как Афы у абхазцев, Шибл у народов адыгэ, Уацилла у осетин [Исследования... 1959: 24].

Однако все окружение Чопы подводит к мысли, что он являлся древнейшим женским солярным божеством, принявшим со временем черты воина-охотника. Его имя и прежняя женская сущность сохранились в названии культовых пирогов, 'чъапалг', являвшихся символом солнца и обязательным атрибутом религиозных празднеств ингушей¹. Их число всегда было четным, символизируя женское начало. Эти традиционные круглые пироги сопровождались нечетным числом (один, три) треугольных, 'боджолг', символизирующих мужское начало.

Составной частью названий этих двух типов пирогов является лексема 'олг', означающая по-ингушски «пирог, хлебец»: 'чъапа-олг' и 'бодж-олг'.

Слово 'боджолг' сохранило полностью свое значение: «пирог ('олг') козла или тура ('бодж')». Он символизировал также ингушский год. Значение первой лексемы сложного слова 'чъапалг', 'чъапа-' не объясняется больше средствами современного ингушского языка. Однако, зная о религиозной связи круглого пирога с солнцем, можно с уверенностью сказать, что его название у далеких предков ингушей (или у их части) означало именно «солнце». Тогда слово 'чъапалг' можно перевести как «солнечный пирог». Лексема 'чапа-' перекликается с именем богини солнца семитских (угаритских) хурритов 'Шапаш'. Она была заимствована хурритами у кананейцев и финикийцев [Dussaud 1945: 366–367]. В Угарите ее называли «Божественная Лампа» Шапаш [Dictionnaire 1999: 837]. У ассиро-вавилонцев она звалась Шамаш [Laroche 1980: 232].

¹ См.: «Тушоли, последняя богиня-мать Кавказа» [Цароева 2011: 63].

У предков ингушей, как и у древних месопотамцев, божество солнца и божество грозы, связанные с небесным огнем, имели характеристики воинов [Dussaud 1945: 396]. Ингушский Чопа, бывший в прошлом божеством-охотником, сохранил черты, связывающие его с богиней солнца и воительницей Шапаш. Трансформировавшись в мужское божество, Шапаш сохранила свою женскую и солярную сущность в златовласой Лесной Деве, ставшей женой Чопа Борагана, оставив за ним свое имя. Все мифы и легенды о лесных людях подчеркивают эту ее особенность — отливающие золотом волосы, доходящие до пят.

Омологи угаритской богини солнца Шапаш, являющиеся богинями-двойниками восточных и западных хурритов, Шаушка и Иштар, фигурируют также в ингушской мифологии: Шаушка (иногда Шушк, по Э. Ларошу) как Соск, отец Солсы, предводителя Нарт-Орхустхой; богиня вечерней звезды Иштар как бог потустороннего мира Эштар. Промежуточные звенья эволюции этих персонажей у кавказцев были утеряны.

Займствование божеств, их наслоение, а затем и сокращение пантеона происходили у предков ингушей постоянно, как и во всех языческих пантеонах древних народов. Общество богов, как и человеческое, всегда было подвержено закону времени — старению и бесконечному обновлению.

Нарт-Орхустхой, равнинные Нарты-воины

Наиболее древняя форма патронима равнинных Нартов, 'Орхустхой', была отмечена Ч. Ахриевым в 1860-х годах в горах Ингушетии. Но по каким-то соображениям она им была самовольно изменена. Он пишет: «О слове орхустойцы следует отметить, что в нем **окончание я добавил произвольно, для более ясного понимания**. Строго говоря, нужно писать **орхустхой**, так как поингушски, если речь идет о члене какого-нибудь общества, то прибавляется большею частью окончание: в единственном числе — хо, а во множественном — хой. Так, в единственном числе говорят орхустхо, а во множественном — орхустхой» [Ахриев 1875: 40].

Со временем под влиянием различных факторов — временных, территориальных, языковой интерференции, отсутствия письменности — появились новые альтерации теонима 'Орхустхой'. Они были записаны новыми поколениями фольклористов и этнографов начиная с конца XIX в., периода пребывания Башира Далгата в горах Ингушетии: Орстхой, Орштхой, Арстхой, Арштхой, Арцхой, Орцхой, Эрштхой, Эрстхой...

Мы решили в своей работе использовать документально подтвержденную древнюю форму 'Орхустхой' для обозначения братства Нарт-Орхустхой.

Прежде всесильные солярные и грозовые божества Нарт-Орхустхой были низведены в ранг полубожеств уже в переходный период между бронзовым и железным веками. В этом качестве они оказались в ингушском пантеоне. Примерно в тот же период начала вырисовываться картина племен, населявших Кавказ и положивших начало кавказским народам и их соседям: урарты, колхи, керкеты, гаргареи¹, хамекиты², скифы, сарматы, савраматы, синды, меоты и другие [Крупнов 1960: 332].

Это была эпоха войн, приведших к великим переселениям народов. Кавказ явился для одних перекрестком в поисках лучших земель и пастбищ. Для других он стал землей обетованной и одновременно ареной столкновений автохтонов с новоприсельцами. Это была также эпоха героев, когда отвага, смелость и готовность к самопожертвованию считались самыми возвышенными чертами мужчины, а набеги — героизмом. С этих отдаленных времен предки северокавказских народов, загнанные всевозможными нашествиями в глубокие ущелья, стали совершать набеги с тем, чтобы прокормить и одеть своих близких, а также вдов и сирот своего рода.

С расширением контактов между различными племенами и народами образ жизни воинов-равнинников был привнесен

¹ Протоингушские племена, современные ГалГאי (бывшие жители ГалГайского общества).

² Протоингушское племя, современный ингушский род Хамхой (бывшие жители Хамхинского общества).

и в горы. С. Анисимов писал в 1906 г., что главным занятием горских племен являются набеги. Бог дал землю и жизнь всем народам одинаково, говорят кавказцы. Поэтому нужно жить и владеть землей, как хочется. Бог дал также войну, чтобы развлечь отважного сердцем. Добыча же не грех, а награда за риск. Ибо в случае неудачи он расплачивается своей жизнью. Для большинства молодых горцев участие в набегах являлось первой возможностью отличиться и завоевать уважение в обществе [Анисимов 1906: 8]. С. Анисимов пишет, что на Кавказе существовали даже группы женщин-разбойниц [Там же: 91].

Об этой деятельности горцев Кавказа писали и иностранные исследователи XIX в., занимавшиеся изучением жизни и обычаев кавказцев. Жюль Клапрот: «Ингуши считают охоту, набеги и войну самыми почетными занятиями для молодежи; они совершают набеги часто не столько для нужды, сколько для того, чтобы отличиться. Глава рода у них не является последней инстанцией в решениях; только дар убеждения и доверие имеют над ними силу. Они не приемлют законопослушания; все у них решается согласно обычному праву. Как только сын становится способным защитить себя сам, отец вручает ему оружие и предоставляет полную свободу действий» [Klaproth 1923: 407–408].

Ингуши придавали такие черты характера, близкие сердцу горцев Кавказа, своим полубожествам Нарт-Орхустхой. Отсюда и двойное к ним отношение.

Об этимологии патронима ‘Нарт-Орхустхой’

Д.Д. Мальсагов, а за ним и Х.Д. Ошаев, находившиеся под влиянием теории В. Абаева и молодого Ж. Дюмезиля об индоиранском субстрате Нартского эпоса, связывают этимологию теонима ‘Нарт-Орхустхой’ с именем группы осетинских нартов ‘Аехсаертаеккатае’ [Dumezil 1995: 507–508]. А.У. Мальсагов производит это слово от ингушского ‘аре’ (долина, плато), к которому добавляются аффикс множественного числа ‘-ш-’, аффикс локатива ‘-та-’ и деривационный аффикс ‘-хо’. Он переводит, таким обра-

зом, и его альтерации как «жители равнины», в противовес термину 'ломаро' со значением «житель гор» [Мальсагов 1969: 275].

Главным аргументом сторонников идеи иранских корней Нарт-Орхустхой является утверждение пожилых ингушских собеседников Ч. Ахриева, что местом жительства этих героев было ущелье Саниба, находящееся на территории современной Осетии, а местом их деяний — горы Ингушетии. Эта теория построена на смешении исторического, географического и мифологического факторов.

Многими поколениями исследователей, в том числе Л. Семеновым и Е. Крупновым, установлено, что ингушская версия общекавказского Нартского эпоса является сугубо этнической и датируется концом бронзового и началом железного веков. Доказано также, что ареал проживания предков ингушей и чеченцев был шире, чем территория их современного проживания. В ингушском пантеоне существовало божество ущелья Саниба, Саниба-ерда. Имя его переводится как «Божество ('ерда') священного ('сани' = 'цани') места ('па' = 'ба')», и оно почиталось до конца XIX в. [Tsaroiieva 2005: 138–139].

Эси Цуров, 84-летний житель ингушского селения Джерах, рассказал в 1974 г. Ибрагиму Дахкильгову, что у главного божества пантеона, Дялы, было пятеро сыновей-божеств, 'цлув': Матцели, Амага-ерда, Гал-ерда, Тамыж-ерда и Саниба-ерда. Повзрослев, они покинули отчий дом и осели в различных местах. Однако Саниба-ерда, самый младший сын, следуя обычаям ингушей, остался в отчем доме [Дахкильгов 1991: 176].

Саниба-ерда был, следовательно, покровителем одноименного ущелья Саниба и проживавшего там племени предков современных ингушей. Согласно легендам, собранным Ч. Ахриевым и Л. Семеновым, а также по исследованиям А. Чахкиева, это ущелье было колыбелью одной из частей предков ингушей, где они проживали до прихода в эти горы осетин, изгнанных из степей Предкавказья вторжениями монголов в XIII в. и крымских ханов в XV в.

В.И. Долбежев записал в своих отчетах об археологических раскопках в Джерахском и Мецхальском районах, проведенных

в 1890 г., что существуют легенды о борьбе, которую вели ингуши, возглавляемые героем Ахри, против вторжений осетин на берега Терека. В 1927 г. Л. Семенов записал легенду, рассказанную пожилым осетином Б. Кануковым, жителем Кобанского ущелья, согласно которой ингуши населяли когда-то ущелья Куртати и Дарга. Под давлением осетин, сражавшихся под руководством легендарных героев Тага и Курта, а также кабардинцев, двигавшихся с плато, ингуши вынуждены были отступить к востоку: сначала в ущелье Саниба, а затем через Чми — на правый берег Терека [Семенов 1928: 22–23].

В.Б. Пфаф пишет, что в ущелье Куртати (Куртата) жило племя, называемое 'буртел', относимое В.П. Кобычевым к ингушам и чеченцам [Мужухоев 1995: 104–105]. Действительно, дагестанцы называли ингушей и чеченцев этнонимом 'буртел' («жители башен»). Албаст Туттаев записал в 1881 г. рассказ пожилого ингуша, что раньше глалгайские фамилии большого рода Лейнгой — Хашагульговы и Цуровы — проживали на территории от Среднего Кобана до Терека [Ингушетия и ингуши... 1999: 241].

Письменные источники начала XVIII в. показывают, как проходило изменение западных границ Ингушетии. В XVI–XVIII вв. ингуши проживали в районе Ларса, заселенном позже осетинами. Тогда можно понять, почему поселившиеся там осетины платили ингушам дань, о которой писал Ж. Клапрот [Там же: 140].

На побережье Среднего Кобана находился «городок мертвых», состоящий из солнечных склепов-'каш', которые осетины называли ингушскими (макхалон). В селении Саниба еще в начале XX в. находились также солнечные могильники, считавшиеся осетинами ингушскими [Мужухоев 1995: 105]. Селения Балта, Ларс и Чми когда-то принадлежали племенам глалгай. Дарьяльское ущелье контролировалось ингушскими родами — Хаматхановыми и Цуровыми. Они считаются выходцами из селения Тменикау Тагаурского общества [Калоев 1989: 140].

Все это объясняет, почему Нарт-Орхустхой жили в ущелье Саниба-ерда, но действовали часто в горах Ингушетии.

В начале XIX в. топоним 'Саниба' имел форму 'Шаниба', отмеченную Ж. Клапротом. Божеством-покровителем его жителей являлся *Шаниба-ерда. Топоним 'Шаниба' и теоним *Шаниба-ерда перекликаются с хуррито-урартским топонимом 'Шаннипа' (Shannipa) или 'Шаниба (Shaniba)', означающим «Святое место» [Laroche 1980: 214]¹. Ингушский теоним 'Саниба-ерда' переводится, следовательно, как «Божество ('ерда') Святого места». Поэтому не случайно, что ингушский Соска Солса, перекликающийся с хурритским божеством Шаушка², и его паредры, полубожества Нарт-Орхустхой, перекликающиеся с хуррито-хеттскими божеествами Нарата, жили в этом ущелье, носящем священное название, восходящее к хурритам или урартам.

Бесконечная борьба Нарт-Калой против Нарт-Орхустхой отражает сопротивление, оказываемое кавказскими горцами веяниям нового, неизвестного им мира, проникавшим с равнин Предкавказья и угрожавшим разрушить их многовековые устои. У древних жителей Месопотамии, как рассказывает их мифология, мир горцев «управляется демонами», а в их равнинной стране «действуют божественные законы». Поэтому они и делают частые набеги в горы, чтобы разрушить этот мир.

Значение патронима 'Нарт-Орхустхой', паредрии ингушского полубожества Соска Солсы выявляют параллели с хуррито-урартами, как и многие имена божеств ингушского пантеона. Сравнение деяний и имен ингушских Нартов с полубожествами древней Анатолии и Месопотамии позволяет возвести теоним 'Орхустхой' к хурритским словам 'арру-', «небожитель, демон» (заимствование из аккадского языка), и '-хуш', «связь, узы, родство; объединение, группа» [Laroche 1980: 115]. Все слово, таким образом, может быть переведено как «группа (братство) небожи-

¹ Согласно Э. Ларошу, в хурритском языке формы 'па' и 'ба' чередовались и означали «место, где живут боги и люди». В ингушском языках слово 'па / пхьа' означает «место, где живут люди». Кроме того, в ингушском языке существовала и сонорная форма 'ба', сохранившаяся в названии самого древнего храма Северного Кавказа — Тхаба-ерда, «Дом ('ба') бога ('ерда') Тха». Древние анатолийцы тоже называли свои храмы «домами богов».

² См. infra: «Этимология имени полубожества Соска Солсы».

телей (или демонов)». Постепенно эти слова срослись и образовали собирательный теоним 'Орхуш' > 'Орхус', унаследованный предками ингушей, придавшими ему «этнотерриториальное лицо» добавлением формантов локатива '-т(а)' и этнической (или социальной) принадлежности '-хой'.

В ингушских легендах Орхустхой часто ассоциируются с Акви-Карабулаками, одним из самых воинственных племен. По преданию, они были очень сильным и воинственным племенем; их уважали соседние племена за смелость и справедливость. Но, возгордившись своим привилегированным положением, Карабулаки начали притеснять своих соседей и ссориться с ними. Возмущенные соседние племена объединились и умилили их [Броневский, Арутюнян 1970: 168]. Теоним 'Орхустхой', перекликающийся с хуррито-аккадским сочетанием 'ару-хуш', означающим «группа (связка) демонов», и вся обстановка, окружавшая этих дерзких и бесстрашных воинов-титанов, позволяют возвести их к древним аккадийцам¹.

Нарт-Орхустхой как эмблема плодородия

Нарт-Орхустхой имеют ярко выраженный итифаллический характер, характер яростных дебоширов, связанный с символом плодородия. Он прослеживается в их неприглядном отношении к богине движущихся вод Хи-нана. Башир Далгат сообщает, что один из Нарт-Орхустхой «был известный развратник. Говорят, что он обманул и соблазнил мать всех вод (по-ингушски — “химехки-нана”»)» [Далгат 1901: 42]. В другой своей работе исследователь уточняет: «Про нее (Хи-нана) ингуши рассказывают, что как-то она погналась за нарт-орштхойцами, когда последние возвращались с охоты; но один из них в борьбе с нею успел ее изнасиловать, и она, как нечистая, не могла более преследовать их и возвратилась к себе в воду» [Далгат 1893: 115]. Под «известным

¹ См. подробнее в работе «Тушоли — последняя богиня-мать Кавказа» [Цароева 2011: 5–6].

развратником» Нарт-Орхустхой подразумевается, по всей видимости, их предводитель Соска Солса. Существует ряд легенд, передающих, что он постоянно домогался жен своих соплеменников-горцев Нарт-Калой [Далгат 1901: 37].

Одна из легенд рассказывает, что раньше люди были гораздо ближе к богам и, обратившись к ним с мольбой, могли просить у них все, что пожелают. Действительно, полубожества отличались от ингушского общества только своей принадлежностью к божественному семейству и сверхъестественными способностями. Они следовали тем же правилам, по которым жили ингуши, подчинялись тем же законам. Ингуши наделяли свои полубожества Нарт-Орхустхой недостатками, которыми они не осмеливались наделять верховных божеств. Они переносили на Соска Солсу и его отчаянных Нарт-Орхустхой свое разочарование и молчаливый протест, появлявшийся независимо от них в глубине души по отношению к богам, не пожалевшим их или не защитившим их засеянные поля и урожаи, несмотря на многочисленные молитвы и обильные жертвоприношения. Они прощали многое Нарт-Орхустхой еще и потому, что те могли реализовать их невысказанное желание — «почесать бока» богу грозы Сели, чинившему им больше вреда и приносившему больше бед, чем другие божества. Часто случалось, что он, разгневавшись за что-то, не посылал дождя на засеянные поля в сильную жару или же насылал время от времени разрушительный град.

Соска Солса, предводитель Нарт-Орхустхой

Соска Солса, или «Солса, сын Соска», предводитель полубожеств и воинов Нарт-Орхустхой, рожден из камня цвета голубого неба, оплодотворенного молодым пастухом, очарованным возлюбленной, доящей коров на лугу. Села Сата, лунная богиня, приняла его из растрескавшегося камня и вырастила в героя. Этот мотив связывает Соска Солсу с небом. Еще в XVII–XVIII вв. ингуши считали его божеством, рожденным чудесным образом из «голубого камня», ‘сийна кхер’, реминисценции голубых каменных

небес [Далгат 1901: 35]. Одно из созвездий, согласно собеседникам Б. Далгата, носит имя титана — ‘Солсан Глебаг’, «Копье (Стрела) Солсы». Способ рождения связывает это древнее божество с фригийской богиней Кибелой и с древнегреческим мифическим существом Агдистисом [Трубецкой 1908: 91].

Соска Солса является, действительно, самым «божественным» из всех Нарт-Орхустхой. Ингушский язык сохранил выражение: «Пусть Сеска Солса и его 60 Нарт-Орстхой придут тебе на помощь» [Мальсагов 1969: 267]. Следовательно, в религиозном сознании ингушей Нарт-Орхустхой продолжали оставаться божествами. Это подтверждают и пожилые ингуши, которые поведали Чаху Ахриеву, что «Солса был весьма умный и честный человек; он родился не от обыкновенной женщины, а прямо произошел от Бога» [Ахриев 1875: 5].

Ингуши строили Соска Солсе добротные святилища-‘элгыц’. Остатки одного из них сохранились недалеко от храма бога знаний Маго-ерда в селении Сал-ги. Оно считается частью архитектурного ансамбля, находящегося на горе Маго-дук и связанного каким-то образом с божеством Маго-ерда. Кроме святилища Соска Солсы, ингуши почитали, по словам Ф.И. Горепекина, могилу полубожества Соска Солсы еще в конце XIX в. Имя Соска Солсы и имена его паредров цитировались ингушами еще в конце XIX в. в молитвах, посвященных их покойникам¹, что связывает их с потусторонним миром Дяли-Эли. А это, в свою очередь, позволяет провести параллели между Нарт-Орхустхой и хурритскими «античными» божествами Нарата (Narata), отправленными в потусторонний мир их ставшими взрослыми сыновьями в борьбе за власть на небесах, как это сделал хурритский Тешуб по отношению к своему отцу Кумарби, а последний — по отношению к своему отцу Ану.

Рожденный из камня «стальной» Соска Солса связан с культом камня, меди и железа. Древние люди были убеждены, что камень был наделен сверхъестественной силой, а человек, рож-

¹ О молитве ингушей, где упоминаются полубожества Нарты, см. ниже: «Ингушский Пхагал Бяри и древнесемитский Ум-Паг1ал».

денный из камня, обладал божественными чертами. Таким и был Соска Солса, «рубивший саблей не только головы врагов, но и вершины скал, откалывая от них огромные глыбы» [Семенов 1959: 216–217]. Острые пики хребта Передовой к западу от реки Ассы в Ингушетии называются ‘Солса тур дийта моттиг’ (Место, рубленное саблей Солсы) [Мальсагов 1969: 273]. Подчеркивая божественную сущность этого персонажа, Уздият Далгат замечает, что, по всей видимости, не случайно одна из горных вершин Ингушетии, рубленная мечом Соска Солсы, называется «Божьей горой» — ‘Цай-лоам’ [Далгат 1972: 133–134].

Культ камня сопровождал предков современных ингушей в течение всей их многовековой истории: от каменного века до века паровой машины. Камни, поставленные вертикально, ловили плодотворную силу солнечных лучей. Таким же образом камень, породивший Соска Солсу, уловил семя молодого ингушского пастуха, являющегося отголоском далекого бога-пастуха — Пастора-Солнце. Связанные с этим древним божеством камни являлись первыми языческими храмами, ‘даба’ или ‘баткъя’, означавшими «дома богов» и связывавшими небо с землей. Эти камни, воздвигнутые рукой человека, имели ту же духовную значимость в магико-религиозном сознании людей, что и каменные скалы, воздвигнутые богами.

Ингуши считали, что камни обладали сверхъестественными лечебными свойствами. Они могли сращивать переломы и успокаивать боли в спине. Особенно камни, задетые священной стрелой бога грозы Сели. Их крепость и устойчивость даже к ее удару впечатляла людей. Соска Солса, рожденный из камня, должен был быть крепче Сели. И он боролся против него. Гром происходил от урчания кишок, выходящих из раны Сели, нанесенной Соска Солсой в «известное место» его тела, когда тот убегал после осквернения могилы орхустхойской девушки, как рассказывает миф, записанный Чахом Ахриевым в 1875 г.

Около Мец-хала есть камень Соска Солсы с небольшими округлыми углублениями. Он упоминается в ряде ингушских мифов и легенд, одна из которых, опубликованная в «Терских ведомостях», была записана в 1911 г. Николаем Трубецким (Бы-

валым). Ингуши говорят, что эти углубления образовались от прикосновений полубожества Соска Солсы, молившегося за свой народ. Легенда рассказывает, что, когда Соска Солса почувствовал приближение смерти, он пошел попрощаться со своей страной. Ночь застала его на земле Галгаев в Ассинском ущелье, у подножья Гал-корта. Он слез с коня, надел на него путы и зашнул под камнем. Ночью ему явился Аллах и сказал: «Сеска Солса, ты скоро умрешь. Когда взойдет солнце, поднимись на камень, под которым ты спишь, и помолись за свой народ». Сеска Солса проснулся. Солнце поднималось; он совершил свой первый намаз. Он молился долго и старательно весь день без еды и питья, и как только он завершил свою последнюю вечернюю молитву, он умер. Теперь на камне остались следы от его лба и в местах, куда он опирался руками¹ [Мальсагов 1983: 237].

Этот «замшелый валун» глубоко почитался ингушамимусульманами, как сообщает Леонид Семенов, еще в 1929 г. Местные жители рассказали ему поверье, что, когда с камня сотрутся следы Нарта, тогда народ освободится от всех своих пороков и грехов. Таким образом, вся жизнь Нарта Соска Солсы — со дня рождения до дня смерти — оказалась связанной с камнем.

¹ Мотив явления Бога Соска Солсе с повелением молиться за свой народ перекликается с повествованием из Бытия о хождении Иакова в Месопотамию (28, 11–13, 16–19). Иаков не взобрался на камень, как Соска Солса, а положил его себе под голову во время ночлега в пути. «Иаков же вышел из Вирсавии и пошел в Харран, и пришел на одно место, и остался там ночевать, потому что зашло солнце. И взял один из камней того места, и положил себе изголовьем, и лег на том месте. И увидел во сне: вот, лестница стоит на земле, а верх ее касается неба; и вот, Ангелы Божии восходят и нисходят по ней. И вот, Господь стоит на ней и говорит: Я Господь, Бог Авраама, отца твоего, и Бог Исаака. Землю, на которой ты лежишь, Я дам тебе и потомству твоему; и будет потомство твое, как песок земной; и распространишься к морю и к востоку, и к северу и к полудню; и благословятся в тебе и в семени твоём все племена земные; и вот Я с тобою, и сохраню тебя везде, куда ты ни пойдешь; и возвращу тебя в сию землю, ибо Я не оставляю тебя, доколе не исполню того, что Я сказал тебе. Иаков пробудился от сна своего и сказал: истинно Господь присутствует на месте сем; а я не знал! И убоялся и сказал: как страшно сие место! Это не иное что, как дом Божий, это врата небесные. И встал Иаков рано утром, и взял камень, который он положил себе изголовьем, и поставил его памятником, и возлил елей на верх его».

Культ камня пережил культ бронзы и железа. Железо, предназначенное преимущественно для изготовления оружия, приобрело характеристики разрушительной силы. Считая Соска Солсу рожденным из камня, божественного, солярного атрибута, ингуши признавали его солярную сущность. Однако, называя его «Соска Солса, сделанный из стали как из раскатанного теста» [Далгат 1972: 310] или же «надменный Соска Солса, пьющий расплавленную ‘чаа’ (смесь латуни и меди)», они признавали за ним разрушительную силу. Он и его Нарт-Орхустхой считались воплощением тех несчастий и того зла, что несло совершенное для той эпохи железное оружие.

Василий Абаев предполагает, что персонажи и некоторые темы Нартского эпоса могли появиться независимо у разных народов. Но при этом он исключает, что термин «Нарт» или такие собственные имена, как Сатана, Урызмаг, Сослан, Сосрыко, Батрадз, Сирдон и другие, появились независимо в разных местах. Они зародились, считает он, в одном месте и у определенного народа (подразумеваются предки осетин), а затем распространились среди других народов (Проблемы нартского эпоса. Орджоникидзе, 1957. С. 35) [Кумахов 1969: 498].

Между тем термин «Нарты», как и имена Нарт-Орхустхой и Нарт-Калой, а также некоторые мотивы ингушской версии эпоса совпадают с теонимами и мотивами древних народов Ближнего Востока и Малой Азии, в частности с хуррито-урартами, имевшими, по всей видимости, тесные контакты с автохтонными кавказскими народами.

Чах Ахриев сообщает два территориальных варианта имени полубожества ‘Соска’: в горах говорят ‘Соска’, а на плоскости — ‘Сеска’ [Ахриев 1875: 40]. Башир Далгат, собиравший данные об ингушской старине в тех же регионах, что и Чах Ахриев, употребляет в рукописях форму ‘Сёска’, но в публикациях оставляет ахриевскую форму ‘Соска’ [Далгат 1972: 145]. У ингушей, проживавших на равнине, рефлекс ‘Сёска’ развился в ‘Сеска’. Более ранней, таким образом, является горское произношение — ‘Соска’.

В торжественные моменты жизни, во время официальных встреч, на собраниях и ассамблеях, отмечая кого-либо за какие-

то заслуги, у ингушей было принято называть сначала патроним рода, затем имя его отца, в последнюю очередь — собственное имя: Нарт-Орхустхой Соска Солса. В этимологии более поздней, плоскостной, формы 'Сеска Солса' («Солса, сын Сеска») А. Мальсагов увидел исключение из правил и предложил понимать ее как «Солса, сын Сесага», т.е. «Солса, сын Женщины». Это вполне логично, ибо он был извлечен из камня женщиной. Чуткое ко всем формальностям чувство ингушей не должно было быть задето, поскольку речь шла не о простой женщине, а о богине Села Сате, любимой и перворожденной дочери бога грозы Сели.

Однако корни полубожества Соска Солсы гораздо древнее современного слова 'сесаг' («женщина»), являющегося альтерацией староингушского 'сте-саг' («женщина-человек»), первая часть которого восходит, в свою очередь, к хурритскому слову 'аште' (ashte) или «женщина; телица; самка» [Laroche 1980: 62]. Мифы настаивают на том, что Соска Солса происходил из племени ГаллГа¹ и, несмотря на свои дерзкие вылазки, должен был следовать его обычаям. Имя Соска Солсы также не было исключением из принятых у ингушей правил. Он являлся сыном мифического Соска, оплодотворившего камень, и, как положено сыну, ставил имя отца перед своим собственным.

Этимология имени полубожества Соска Солсы

Этимология имени ингушского полубожества Соска Солсы остается до сих пор спорной. Деяния Соска Солсы, два его главных атрибута (ласка Батака Шертако и голубь Кхокха), а также все его окружение обнаруживают удивительные параллели с древним хуррито-хеттским миром. Отец титана, Соска (или Соск), является реминисценцией далекой богини солнца восточных хурритов, Шаушка / Сауска (Shaushka / Sauska), двойника Иштар (Ishtar), богини вечерней звезды западных хурритов.

¹ Ед. ч. от 'ГаллГаи', название одного из самых больших и сильных ингушских племен, давшее самоназвание всему народу.

Иштар преобразовалась в мужское божество до прихода в ингушский пантеон, чтобы действовать в нем как бог подземного мира Эштар: у древних аккадийцев (ассиро-вавилонян) она фигурировала часто в роли мужского солярного божества [Tsargoieva 2005: 235–243].

Альтерации хурритского теонима 'Шаушка' / 'Шушк', близкого к ингушскому теониму 'Соск', и хурритского теонима 'Сос (Sos)', совпадающего с адыгским теонимом 'Сос', были выявлены Эммануэлем Ларошем в дешифрованных им хурритских клинописных текстах [Laroche 1980: 25, 220–221]. Хурритская Шаушка / Сауска, сестра бога грозы Тешуба, оттесненная богиней-молнией Гебат (H'ebat), предстала в пантеоне ингушей в образе солярного божества, давшего жизнь Солсе. Развитие хурритской формы Шаушка / Шушк у ингушей происходило следующим образом: Шаушка > Соска у горных ингушей, а затем Сёска > Сеска у плоскостных. По всей вероятности, ингушское божество Соска, отец Солса, и адыгский мифический пастух Сос, отец Сосруко, являются отголосками хуррито-хеттского божества Шаушка / Сауска. Другим народам Кавказа формы 'Соска' и 'Сос' неизвестны¹.

Античный бог Соска / Сос трансформировался со временем в ингушской и адыгской мифологиях в юношу-пастуха, ремисценции древнего Небесного Пастуха, Пастора-Солнце. Оплодотворив камень, он породил на свет Солса и Сосрыко (Сосрыко, «сын Соса»). Однако ингушский Соска Солса сохранил некоторую божественную сущность. Еще в XIX в. ингуши продолжали почитать его вместе с паредрами в Нарт-Орхустхой в своих молитвах. Соска Солса имел, кроме того, собственное святилище-«элгыц» (XVII в.), следы которого сохранились до наших дней.

Теоним 'Шаушка' и его альтерации 'Шауш', 'Шушк' и 'Сос', являются, вероятно, рефлексамии различных хуррито-хеттских

¹ Возможно, более древними формами теонима 'Соска' и его альтераций 'Соск' и 'Сос' являлись формы *Саска, *Саск и *Сас, развившиеся под влиянием «окающего» горного диалекта ингушей.

племен. Теонимы 'Соска' и 'Соск' были записаны Чахом Ахриевым и Баширом Далгатом в горах Ингушетии во второй половине и в конце XIX в.

Теоним 'Шаушка' сохранился также в хеттском антропониме 'Циска (Ziska)', связанном с названием священных для хеттов кошачьих: пантеры, льва, львицы, рыси, кошки. От хеттов через лувитов этот этноним проникает также в Грецию, где он фигурирует в форме 'Сескос / Саскос (Seskos / Saskos)' [Dictionnaire des religions 1984: 854]. Возможно также, что ингушское слово 'циск' («кошка») связано с хеттским культом кошачьих, ассоциирующихся с богиней-матерью. Антропоним 'Циск' был раньше распространен у ингушей: он дожил до наших дней в виде патронима рода 'Цицки-някъан' (Цицкиевых). В ряде ингушских мифов и легенд кошка представлена в роли защитницы человека, спасающей его от неминуемой смерти, явившейся в образе змеи и вероломно проникшей в его тело. Она ассоциировалась, как и у хурритов и хеттов, с женщиной-матерью, защищающей, дающей жизнь и свет.

Хуррито-хеттское божество Сауска-Иштар, выступавшее то в качестве женского, то в качестве мужского, почиталось на огромном пространстве, находившемся под влиянием культур и языков многочисленных племен хурритов и хеттов: от древней Сирии до северо-восточной Месопотамии и современного армянского плато. Прибыв на Северный Кавказ, это божество пережило десятки веков, превратившись в эпического героя, сохранившего некоторые следы античного солярного божества.

Образ Соска Солсы является, вероятно, следствием развития в несколько этапов образа хурритской богини, а затем бога, Шаушка (Шушк). Шаушка, богиня любви и плодородия, была сестрой Тешуба, имя которого связывается со словом 'шаури' или «оружие» (В.В. Иванов). По всей видимости, бывшее астральное божество Шаушка связано, с одной стороны, с небом, 'эшша (eshsha)' и с астрами 'шаш- (shash-)'. Ибо она также ассоциировалась с ассиро-вавилонской богиней вечерней звезды Иштар. Любимым животным Шаушки был лев, одно из ко-

шачьих животных. Центр ее культа находился в городе Шамуха, что в верховьях Евфрата. Счастье людей, плодородие и плодовитость зависели от доброй воли этой богини любви. С другой стороны, божество Шаушка связано с хтоническим миром (как, например, нисхождение Иштар в ад), что позволяет возвести его к верованиям шумеров. В религиозных текстах восточных хурритов и хеттов Шаушка фигурирует в качестве воительницы. Западные хурриты называли ее также «Иштар поля брани». Иногда она представлялась как Иштар-воин, восседающий на коне. В этой ипостаси она идентифицируется с хеттским божеством Пируа¹. Шаушка является самой активной из всех хурритских богинь: благодаря своим магическим свойствам она обезвреживает страшную змею Педамма (Hedamma); она помогает Тешубу поразить чудовище Улликумме (Ullikumme). Хеттский король Гаттусилис III (XIII в. до н.э.) считал Шаушку своей покровительницей.

Эти сопоставления и другие данные ингушских мифов убедительно показывают, что между месопотамскими и анатолийскими божествами-омологами (или двойниками) и божествами предков ингушей существовали в далеком прошлом параллели:

Шаушка / Сауска = Иштар = Пebaг (стрела Тешуба) = Пируа = Шапаш

↓ ↓ ↓ ↓ ↓

Соска Солса — Эштар — Пebaг (стрела Сели) — Пирью — Чопа

Голубь как атрибут Соска Солсы и его связь с Древним миром

Как и у ингушей, голубь являлся любимой птицей шумеров, хурритов, древних сирийцев, хеттов, а также греков [Dictionnaire des religions 1984: 36]. Все великие богини-матери

¹ См. подробнее infra: «Сели Пирью (Пирью, сын Сели)».

любви и плодородия имели его своим атрибутом: хурритская Шаушка / Сауска, ее омологи — вавилонская Иштар, финикийская Астаргатис. Сострадательные и милосердные голуби вскормили также Семирамис (Семирамиду), дочь сирийской богини, брошенной матерью в горах на произвол судьбы. Ее нашли пастухи и передали своему хозяину, от которого она попала во дворец и впоследствии стала царицей. После смерти она превратилась в голубку, как невестка Соска Солсы в одном из ингушских мифов. Любимой птицей Афродиты был голубь, под видом которого она часто представляла. Ингушская богиня-мать Тушоли тоже имела голубя в своем божественном арсенале¹.

Как анатолийские божества Шаушка-Иштар, так и их ингушские омологи Соска Солса и Эштар, имели один и тот же атрибут — голубя. Ингуши полагали, что если кто-то разрушит гнездо этой божественной птицы, то его настигнет несчастье [Далгат 1972: 132]. Они не выращивали голубей из-за боязни причинить им вред. Современные ингуши продолжают называть своих дочерей именем 'Кхокха', «Голубка» [Цароева 2011: 13–15].

Таким образом, богиня восточных хурритов Шаушка / Сауска превратилась у ингушей в Соска, отца полубожества Солса. Ее двойник у западных хурритов, богиня (иногда — бог) Иштар, продолжила свои деяния в ингушском пантеоне в виде грозного бога потустороннего мира Эштара. Кроме того, еще один двойник божества Шаушка, хеттский бог-воин Пируа, обнаруживает тот же источник происхождения, что и ингушское полубожество Пирьюу, в хурритском боге дождя Пируа. Все это подчеркивает древность ингушского пантеона, корни которого уходят в тысячелетия.

У предков ингушей, как и у древних месопотамцев, голуби сопровождали покойника в потусторонний мир. При археологических раскопках в солнечных склепах-‘каш’ горной Ингушетии среди прочего инвентаря археологи часто находили фигурки

¹ См. книгу «Тушоли, последняя богиня-мать Кавказа» [Цароева 2011: 13–15].

голубей [Крупнов 1971: 139]. Следовательно, эта птица являлась также атрибутом божества потустороннего мира Эштара, прототипа далекой месопотамской Иштар. Название ингушского голубя, 'Кхокха', напоминает имя месопотамского божества 'Какка', посланника шумерского бога Энлиль, которого он часто отправлял в царство мертвых, к богине Эрешкигал, сестре астральной богини Иштар.

В мифологии ингушей голубка воплощала лучшие черты женщины: любовь, верность, нежность, сострадание... Из всех зверей и птиц только лесной голубь откликнулся на мольбу титана Соска Солсы, умиравшего последним из Нарт-Орхустхой после выпитых им трех кубков красной расплавленной меди, принести ему глоток воды и облегчить его страдания. Лесной голубь принес ему воды в своих красных башмачках. Выпив воды, Соска Солса успокоился, погладил птицу по шейке и «попросил до конца света» произносить, воркуя, его имя. С тех самых пор голубь воркует по-ингушки: 'Эл кхо Соска Солса, Эл кхо Соска Солса' («Жаль отдавать тебя Элу¹, Соска Солса») [Далгат 1972: 335]. В Риме богиня любви Venus Columba (Венера Голубь), как и ингушская Кхокха-Голубка, приносила умирающему легкую смерть. Катакомбы, мертвые городки, назывались в Риме 'columbaria' или «голубятни».

«Братья по оружию» Соска Солсы

Наиболее ярко выраженными героями Нарт-Орхустхой, кроме Соска Солсы, являются его «ближайший советник» Батака Шертако, «кровный брат» Сели-Пирьюу и «брат по оружию» Хамча Патариш. Другие персонажи служат фоном, подчеркивающим особенности их характеров. Деяния и имена главных героев Нарт-Орхустхой обнаруживают параллели с верованиями и языками древних народов Месопотамии, но особенно Анатолии.

¹ Эл — название потустороннего мира.

Батака Шертако, «ближайший советник» Соска Солсы

Имя эпического героя Батака Шертако означает «Ласочка, сын Батако». Как и у многих древних народов, ласка у ингушей являлась атрибутом inferнального божества Эштара, хозяина потустороннего мира Дяли-Эли еще в конце XIX в. Он был способен отправиться туда, «когда ему захочется, и вернуться оттуда в мир солнца Дяли-Малхе». Он являлся также одним из паредров и главным советником ингушского полубожества Соска Солсы. «Ласочка»-Шертако был в курсе всего того, что происходит в обоих мирах.

Проанализировав основные характеристики ингушского Шертако, Уздият Далгат пишет: «Боткий Ширтка — это сложный в идейно-художественном отношении мифологоэпический образ, мифологическая природа которого органически синтезирована с его эпической сущностью. При этом наличие мифологических данных у этого персонажа не исключает его из состава нарт-орстхойцев, героев ярко выраженного эпического типа. Сложная структура образа Ширтки, получившего у вайнахов философское, этическое и эстетическое формирование, свидетельствует о глубине и развитости народной художественной мысли. <...> Анализ этого образа на фоне нарт-орстхойских сказаний и все имеющиеся о нем данные убеждают нас в том, что в ингушской интерпретации этот образ менее мифологизирован, чем (осетинский) Сырдон. Несмотря на свои способности отправляться в потусторонний мир и возвращаться оттуда в солнечный, Ширтка не изображается как сверхъестественное абстрактное существо; он не способен к таким метаморфозам, как Сырдон, принимающий вид то шапки, то сумки и т.п. Ширтка, напротив, персонаж более “реальный”. К тому же он максимально рационализирован, при этом его рационализм основывается на конкретной этнической почве. Действия Ширтки — его мудрые советы и философские рассуждения, участие в общественной жизни нарт-орстхойцев (в распределении калыма, добычи) не абстрагированы и имеют вполне реальную общественную обусловленность» [Далгат 1972: 153–154].

В мифах о Нарт-Орхустхой, опубликованных до недавнего времени, персонаж Батака Шертако отнесен к классу людей мужского рода, свойственного агглютинативным языкам, и в них нет намека на его тотемическое происхождение. Однако в легенде «Калой Кант», опубликованной в 1870 г., Чах Ахриев пишет, что имя эпического героя «Ширтка» означает «ласочка» и что, возможно, это является каламбуром [Ахриев 1870: 4].

Связь этого зооморфного персонажа с культом предков периода родового общества подтверждается мифом, записанным А. Мальсаговым [Далгат 1972: 147]. В этом тексте имя «Ширтка» является омонимом слова «Ласочка» [Мальсагов 1969: 277]. А. Мальсагов видит в ласке-‘шертако’ тотемическое животное, считающееся посланником смерти [Там же: 276]. Ее почитали, чтобы отвести от себя и своих родных все плохое. Поэтому логично, что ласка была связана с персонажами, часто несущими людям несчастье, — с Соска Солсой и его товарищами по оружию. Однако если ласка случайно появлялась перед людьми, то это рассматривалось как добрый знак. Ингуши считали, что если подойти к норке ласки и произнести: ‘Шертака дика, дахка во’ («Ласочка хорошая, а мышка плохая»), то та выбежит из норки и начнет бегать по кругу.

Постоянные контакты Батака Шертако с потусторонним миром и зооморфное имя ‘Ласочка’, животного, считающегося у многих народов символом мудрости, пронизательности и вестником смерти, подводят к выводу о том, что этот персонаж был в более отдаленном прошлом одним из божеств, связанных с ритмом смерти и воскрешения. Эта идея была выдвинута Л.П. Семеновым, писавшим, что «мотив сошествия в загробный мир, получивший большое развитие в поэзии языческой (легенды об Иштари и Таммузе, об Одиссее и др.) и христианской, был, как видим, известен и нахскому эпосу. Совершенно очевидно, что нарт Батыг-Шертга означает божество, периодически умирающее и воскресающее. Это сближает ингушского героя (божество) с фригийским богом Аттисом, возлюбленным Кибелы, у которой так много общих черт с богиней Тушоли: обе символизировали в представлении своего народа плодородие и материн-

ство, были очень популярны, имели особые святилища, особо почитавшиеся женщинами» [Семенов 1935: 210].

Полубог Батака Шертако был смертен. Рассказывают, что, когда он умирал, выпив, как и все Нарт-Орхустхой, кубок расплавленной красной меди, он сказал: «Я сожалею, что забыл показать народу благое дело для всего человечества: научить косить с такой скоростью, с какой сгребается сено, научить пахать с такой скоростью, с какой поле взборанивается» [Ахриев 1875: 32].

Будучи атрибутом и посланником бога потустороннего мира Дяли-Эл, Ласка-Шерта дала название надмогильному камню более поздних ингушей — ‘чурт’. Имя же отца Ласки-Шертако, Батака, перекликается с религиозным термином ингушей, ‘батакъа’ или ‘баткъа’, обозначающим разбросанные по всей горной Ингушетии примитивные святилища: простые каменные столпы высотой от метра до двух и более с нишей на восточной стороне. Они были посвящены второстепенным божествам, паредрам главных божеств, и означали «божье место» или «молитвенное место». Таким образом, теоним ‘Ласочка-Шертако’ перекликается с надмогильным камнем ‘чурт’, а имя его отца ‘Батако’ — с названием каменного мини-святилища ‘батакъа’.

Соска Солса и его советник Батака Шертако находятся в постоянных противоречиях; и в то же время они не могут существовать друг без друга. Мифы рассказывают, что, «где был Соска Солса, там обязательно находился и Батака Шертако». На размытом времени и событиями фоне этих персонажей проявляются контуры образов, позволяющие восстановить некоторые черты их характеров. Соска Солса является воином *par excellence* и представляет жизнь во всех ее проявлениях. Это бывшее в далеком прошлом астральное божество представало часто в образе кошачьего. Его советник Батака Шертако относится, напротив, к потустороннему миру, миру предков, который он посещал по своему желанию или же по просьбе своих сородичей, чтобы принести им новости об их покойных родных. Соска Солса и Батака Шертако, таким образом, персонифицируют неразрывную связь, существовавшую в магиико-религиозном пространстве ингушей. Ибо в их представлениях покойники жили в Дяли-Эли по тем же

законам, что и на земле. С единственной разницей, что когда на земле был день, там была ночь.

Батака Шертако приносил с того света не только новости от предков; свою мудрость и знания, передаваемые собратьям Нарт-Орхустхой, он черпал также из контактов с ними. Он являлся, следовательно, одним из inferнальных божеств, предстающим в виде ласки — неприкосновенного и очень почитаемого маленького зверька. Как и все потусторонние божества, он был бесстрастным и справедливым судьей. Вспомним хотя бы его прямые и честные ответы, несмотря на провокации со стороны Соска Солсы, во время дележа коров между Кинда Шоу и Соска Солсой. У этих полубожеств мало мифического: они близки к своему народу и выражают его главные качества.

Название ингушской ласки, 'шерта', напоминает имя хурритского inferнального божества 'Шерта': Шерта-илли, Шерта-мули, Шерта-шарри, Зилип-шерта; ¹Шерта-п-шур-хи¹ [Laroche 1980: 227].

Сели Пиръоу (Пиръоу, сын Сели)

Сели Пиръоу (или Сели Пиръо), судя по теониму, предшествующему его имени, имел характеристики грозового божества. Он был также «кровным братом» Соска Солсы, предводителя Нарт-Орхустхой, и был в древности солярным божеством. Мифы представляют их антиподами, что логично, если исходить из их полярных характеристик божества грозы и божества солнца. Если Сели Пиръоу был доброжелательным, умным и изобретательным божеством, то Соска Солса только и делал, что вредил Нартам и их семьям. Ингуши-горцы почитали Сели Пиръоу за сочувствие к людям, тонкий ум, умение находить решения в трудных ситуациях.

Сели Пиръоу относился к группе грозовых божеств, восходящих к периоду раннего железа, времени его активных действий. В прежнем ингушском пантеоне существовало, как

¹ Sherta-illi, Sherta-muli, Sherta-sharri, Zlip-sherta; ²Sherta-p-shuru-h'i.

и у многих древних народов, несколько божеств грозы. С развитием религиозных представлений на первое место выдвинулся Сели, долгожитель пантеона, почитавшийся некоторыми ингушами-горцами до 1930-х годов. Пиръоу не осталось ничего другого, как довольствоваться второстепенным местом субальтерна, а затем и полубожества.

Бывшее древнее божество грозы Сели Пиръоу сохранило прежнюю способность отправляться в потусторонний мир Дяли-Эли и возвращаться оттуда в мир солнца Дяли-Малхе. Иначе говоря, он оплодотворял землю благодатным дождем, а затем выходил из нее и поднимался в небо в качестве пара. Ингуши были ему благодарны за доселе невиданную водяную чудо-мельницу, принесенную с того света и облегчившую им жизнь и труд [Далгат 1972: 143].

Братья отличались не только характером, но и физически. Если старший брат Соска Солса выделялся телесной силой, дерзостью и непостоянством характера, то Сели Пиръоу представлялся хрупким, слабым, но умным, тонким и проницательным божеством. Эти черты его характера проявляются особенно наглядно во время раздела их общего наследства. Зная характер своего строптивого брата и используя его слабые стороны, Сели Пиръоу сумел получить хитростью лучшую долю [Там же: 302–303]. Эти черты характера передают симпатию горцев-ингушей конца XIX в. к Сели Пиръоу. Совсем иначе относились к этому полубожеству чеченцы, спустившиеся на равнину и ставшие мусульманами на несколько веков раньше ингушей.

Трансформация образа ингушского доброжелательного божества Сели Пиръоу во врага Дялы под влиянием новой мусульманской религии

Чеченцы, заимствовав в период исламизации, с XV по XVIII в., миф о чужеземном жестокосердном правителе Пиръоне (от араб-

ского Фиръаун, враг Аллаха), перенесли его характеристики на языческого Сели Пиръоу, имя которого было ему фонетически близко. С приходом ислама из Чечении во второй половине XIX в. ингуши начинают менять отношение к своему бывшему покровителю. Под влиянием ислама, боровшегося против любого проявления старых верований, Сели Пиръоу из доброжелательного и справедливого божества превращается в высокомерного и жестокого правителя Пиръоу (или Пиръона), вздумавшего соперничать с самим Дялой. Иначе говоря, он приобретает черты мифического мусульманского персонажа из арабских легенд — Фиръауна.

В легенде, записанной Ибрагимом Дахкильговым, рассказывается, что Пиръон, правитель далекой страны, построил небеса из меди и заставлял своих подданных катать по ним бочки с водой. Пытаясь внушить людям идею о своей божественности, он доказывал, что шум перекачиваемых бочек — это производимый им гром, а льющаяся из них вода — это посылаемый им дождь. Однако Дяла терпел его выходки, так как у него оставались еще три добрых качества: уважение к старости, забота о детях и бережное отношение к хлебу. Он прожил на свете пятьсот лет. Однажды под влиянием 'глам-салг', нечистой силы, Пиръон отказался от своих последних трех добродетелей. После этого Дяла уничтожил его [Далгат 1972: 423].

В легендах, собранных А. Мальсаговым и А. Танкиевым, Пиръон просил Дялу в тайне от всех замедлить движение солнца, производить затмение и посылать дождь. Предупредив об этом заранее жителей своего царства, он выдавал их за свой дар предвидения. Однажды Пиръон проходил со своей армией через море, но волны поглотили их. В последнем случае проглядывают известные темы из Библии: Пиръон идентифицируется с фараоном, преследующим Моисея, уводящего свою паству из египетской неволи.

Одна из версий о Пиръо была рассказана нам в Париже 17 сентября 1999 г. на чеченском языке 32-летним Алманом Бакаевым. Он слышал ее в детстве в родовом селении Дуба-Юрт от деда по отцу:

Жил в далекой восточной стране один суровый, но справедливый правитель по имени Пиръо. Он возомнил, что сильнее его не было никого на свете, и пытался даже соперничать с великим Делой. Пиръо построил над шахъар-городом, где он жил, покрытие (тхоу) из меди (цДест) и заставлял людей катать по нему бочки, наполненные водой. Выдавая шум от перекатываемых бочек за гром, а воду, текущую из них, за дождь, он заявлял своим подданным: «Я — Дела, творящий гром и посылающий дождь!»

Однажды Пиръо влез со своим войском на это покрытие и стал кричать вверх Деле: «Со хьокхул стигала хьуна дюхьал веача, шех лата ахъа васса: хьовсар ду вай чъо꜁Iо꜁I мила ву!»

Дела сильно рассердился и послал против него и его многочисленного войска маленького комарика, чтобы показать, что даже мошка, посланная им, может уничтожить могущественного правителя. Комарик проник через нос в голову Пиръо и в течение многих дней² пожирал его мозг. Наконец, когда он вышел из головы через темя богатыря, он был размером больше воробья, но меньше голубя. Так бесславно закончилась жизнь дерзкого правителя».

В этом амбициозном Пиръо проглядывают черты Фиръауна («Фараона») из исламской мифологии. Здесь он представлен как высокомерный правитель эпохи Моисея (Мусы), требовавшего от подданных чтить его как бога и преследовавшего тех, кто верил в Аллаха. Однажды он приказал визирю построить башню, вершина которой касалась бы неба и он смог бы предстать перед Богом и вызвать его на поединок. Бог послал ураган, который разрушил это греховное творение.

Коран и его комментарии добавляют, что поражение не убавило амбициозного пыла правителя. Он приказал смастерить

¹ «Я добрался до неба и предстал перед тобой. Спускайся на поединок: увидим, кто из нас сильнее!»

² Существовало определенное число дней, которое Алман Бакаев уже не помнил.

для себя большой ящик с двумя оконцами: вверху и внизу. К четырем верхним углам ящика он привязал четыре веревки с кусками мяса, а к четырем нижним — четырех голодных орлов, а сам сел в ящик. Пытаясь достать мясо, орлы потянулись вверх и взмыли в воздух, подняв за собой ящик. Через некоторое время он посмотрел через верхнее оконце: небо все еще оставалось недоступным. Тогда он глянул вниз: земля была уже далеко. Уставшие орлы начали сдавать. Боясь нового поражения, правитель пустил в небо стрелу. Однако ангел Джабриль (Гавриил) поймал ее и отправил назад, окрасив кровью. Правитель возликовал, думая, что задел Бога. Тогда ангел сбросил его в море мощным ударом крыла. Вскоре ящик прибило к берегу, и из него вышел правитель с поседевшими от пережитого ужаса волосами.

Бог послал к правителю ангела, советуя ему раскаяться и принять настоящую религию. Но тот продолжал упрямиться. Ко всему прочему, однажды, собрав войско, он осмелился вызвать Бога на поединок. На этот раз Бог не снизошел до его амбиций и послал против него облако комаров. Закрыв солнце, оно ринулось на воинов правителя и разметало их во все стороны. Один из комаров проник через ноздрю в мозг правителя. Тот испытывал страшные мучения в течение сорока лет, пока ангел смерти не забрал его душу.

Арабский Фиръаун нашел нишу в верованиях исламизированных ингушей и чеченцев, так как в мифологии ингушей уже существовало языческое полубожество со схожим именем — Пиръоу.

Омологи Сели Пиръоу в мировой мифологии и их источники

Из всех мифических героев кавказских горцев самым близким к ингушскому Сели Пиръоу является абхазское полубожество Абрскил, защитник народа, рожденный чудесным образом от непорочной девы. Этот бесстрашный гордый воин, воплощающий благородные черты своего народа, сочувствует труженику-

земледельцу и помогает ему очищать поля от сорных трав. Однако по мере движения абхазов к монотеизму Абрскил превращается в высокомерное божество, которое начинает соперничать с высшим божеством Анцвой, как это делает чеченский Пирьо по отношению к Дяле и арабский Фиръаун по отношению к Аллаху. Наполняя кожаные мешки камнями, он взлетает в небо на своем крылатом коне Араш. Бросая камни вниз, он выдает их шум за гром, а блеск своей сабли, рубящей облака, — за молнии. Рассерженный бог Анцва приказывает схватить героя, заковать его в цепи и привязать к железному столбу в горной пещере. Абрскил трясет столб, пытаясь освободиться. Когда ему остается сделать только последний рывок, прилетает трясогузка и садится на вершину столба. Абрскил размахивает молотом, чтобы отогнать птицу. Она успевает отлететь, а столб от его удара вонзается в скалу в два раза глубже прежнего.

Сюжет мусульманской мифологии о враге Бога, Фиръауне, возник под влиянием иудео-христианской религии. В Ветхом Завете этот персонаж фигурирует как охотник по имени Немрод, которому не было равных. Он был сыном Хуша (Куша) и внуком Хама. Его царство находилось в Месопотамии, в Ассирии. Некоторые исследователи связывают образ Немрода с Нинуртой, шумеро-аккадским богом урагана, войны и охоты, очень почитавшимся в Ассирии с XIII в. до н.э. Нинурта, в свою очередь, считается прототипом реального персонажа — ассирийского короля Тукульти-Нинурта I, завоевателя северной Месопотамии и основателя первой месопотамской империи.

Немрод фигурирует как яркий язычник, пытавшийся построить Вавилонскую башню, называемую также «домом Немрода». Но он потерпел неудачу. Вернувшись к себе, он начал преследовать Абраама и его последователей, отказывавшихся признать его Богом и продолжавших молиться Яхве.

Этот персонаж был также известен на Кавказе. Он действовал в армянской мифологии в качестве чужеземного захватчика по имени Немрут. Он построил огромный роскошный замок на вершине горы и вознамерился сбить Бога, пустив в небо стрелу. Но Бог поймал ее, держа по траектории ее полета рыбу, и отпра-

вил назад, окрасив в ее кровь. Немрут и его подданные восторжествовали, думая, что стрела достигла цели. Тогда разгневанный Бог наслал на них ураган и землетрясение: король и все его подданные сгинули в раскрывшейся под ногами пропасти. Земля сомкнулась, похоронив их навсегда в своих недрах. Легенда связывает с этим событием появление на западном берегу озера Ван вулкана, названного в честь Немрута. Кратер его постоянно заполнен водой. Такой же враг Бога по имени Неброд фигурировал и в мифологии грузин.

Фонетика имени доброжелательного и справедливого ингушского полубожества языческого периода, Сели Пирьюу, перекликается с прототипами библейского Немрода индоевропейских народов, ставшими с христианизацией, как и исламский Фиръаун, врагами Бога. К ним относятся литовский Перкунас, латвийский Перконс, прусский Перкунс, славянский Перун, древнеиндийский Пардианиа, мать исландского бога Торра — Фьоргин. Литовский Перкунас хранит в небесах камни; любимым оружием славянского Перуна также являются камни. Этот мотив служит отголоском древнего индоевропейского мотива о каменных небесах. Подобные божества существовали и в пантеоне албанцев — Перен-ди, мордовцев — Пургине-паза, а также в пантеоне финнов и карелов — Перкеле.

Схожие с хеттским богом Пируа черты обнаруживаются и у грузинского бога Пиркуши, управляющего огнем. Его называют также «Темнолицым» или «Божественным кузнецом». Исследователи связывают его с хтоническими персонажами (дэвами, каджами и др.) из-за его эпитета «Пламенный». Пленный дэвами, он кует для них оружие, а также различные предметы из золота и серебра. Его освобождает Яхсари¹, потребовав в ответ сковать ему колокол.

Однако в отличие от всех этих народов, превративших с христианизацией языческие божества в демонов, врагов единого Бога, ингушский Сели Пирьюу почитался до конца XIX в. как доброжелательное полубожество, покровитель народа и брат

¹ У хевсур и пшавов он является божеством злых сил.

древнего солярного божества Соска Солсы. Западные (сирийские) хурриты, а также аккадийцы и ассирио-вавилоняне называли именем Иштар восточно-хурритскую богиню с чертами воительницы (иногда бога) Шаушка / Сауска, источник происхождения Соска Солсы. Воинственный характер восточно-хурритской богини Шаушка / Сауска развился в отдельного бога-воина, сопоставляемого у хурритов и хеттов с громовержцем Пируа (Pirua), покровителем цветущих садов и пашен [Dussaud 1945: 304].

Хуррито-хеттский Пируа входит в пантеоны первых хеттских столиц Нес (Канес) и Хаттусас. В одной из хеттских поэм Пируа фигурирует как прославленный «молодой воин», стоящий во главе армии на защите своей земли. В период симбиоза хуррито-хеттских и месопотамских мифологий и религиозных верований хеттский Пируа был ассимилирован, как и Иштар, с хурритской богиней (богом) Шаушка / Саушка. Эти совпадения позволяют думать, что анатолийские двойники Сауска и Пируа продолжили жизнь в мифологии и верованиях ингушей в качестве полубожеств, «родных» братьев: Сауска воплотился в Соска Солсу, а Пируа — в его брата Пирьюу. У ингушей Сели Пирьюу сопровождается также именем бога грозы Сели, указывая на его «грозовое» прошлое. Ровный и доброжелательный характер ингушского Пирьюу сближает его с хурритским богом садов и огородов Пируа, источником хеттского бога грозы Пируа [Dussaud 1945: 304].

Таким образом, ингушский Пирьюу и его кавказские и индоевропейские омологи произошли, вероятно, из того же источника, что и арабский Фирьяун, — из анатолийского и месопотамского пантеона.

Сели Пирьюу смог выжить на протяжении тысячи лет, вплоть до конца XIX в., в мифологии ингушей, сохранив черты полубожества, и пережить всех своих собратьев из мифологий народов-монотеистов Кавказа, Ближнего Востока, Малой Азии и Европы, у которых он преобразовался или в могущественного владыку, соперничающего с Богом, или в дьявола. В христианских текстах прибалтийских народов Перкунас рисуется также как злой дух, демон.

Хамча Патариш (Патариш, сын Хамача)

Хамча Патариш (Патариш, сын Хамача) является «братом по оружию» Соска Солсы и невольным виновником исчезновения божественной благодати на Земле. Он обнаруживает черты античного божества, Небесного Быка, корни которого восходят к эпохе бронзы. Джера-баба («Святая мать»), мудрая и гостеприимная старица, часто принимающая у себя Нарт-Орхустхой, хранит магические атрибуты этой эпохи «божьей благодати»: медный наперсток, которым она отмеряет муку, и три ребра быка, принесенного в жертву в ту эпоху. Когда она готовит еду для своих гостей, мука, измеренная медным наперстком, и три ребра жертвенного быка счастливой эпохи бронзы чудесным образом увеличиваются до размеров, способных насытить титана Соска Солсу и всех его шестьдесят Нарт-Орхустхой.

До рождения Хамча Патариша и других Нарт-Орхустхой, рассказывают мифы, земля была настолько плодородной, что, если ее сжимали в кулаке, она выделяла капли масла. Джера-баба, кормилица и советчица Нарт-Орхустхой, объявила им в очередной их визит, что рождение стального Хамча Патариша стало причиной исчезновения благодати на земле. Ибо жертвенный бык эпохи бронзы, мясом которого она потчует гостей, уносил с собой треть грехов и несчастий человечества. Джера-баба, таким образом, имплицитно связывает его с образом Хамча Патариша: культ священного быка эпохи бронзы переродился в стального воина-разрушителя века железа.

Этот древнейший мотив позволяет видеть в Патарише антропоморфизацию культа быка у предков ингушей. Культ быка был широко распространен в древности в религиозных верованиях всех кавказцев. До последних лет на Кавказе сохранились зрелищные представления с забегом быков, замененных постепенно лошадьми.

Хамча Патариш жил, согласно жрецу Ганыжу из Фалхана, во времена пророков [Далгат 1901: 39]. Он является главным героем мифа, в котором ингуши придают ему позитивные

характеристики: стыд и раскаяние за свои действия, альтруизм и готовность умереть, чтобы освободить народ от тех несчастий, которые Нарт-Орхустхой принесли своим появлением.

Узнав, что его рождение стало «причиной несчастий всего человечества», Хамча Патариш решил умереть, чтобы вернуть своему народу утраченную благодать. Он попросил людей зажечь огромный костер, бросить его туда, окружить со всех сторон мехами, принесенными из всех кузниц страны, и раздувать пламя. Но его железное тело не сгорело, а только нагрелось до красна. Тогда он попросил бросить его раскаленное тело в реку с высокой скалы. Но оно от этого стало только крепче. Наконец, он попросил Батака Шертако взять его с собой в потусторонний мир Дяли-Эл. Когда они предстали перед Эл-да, Хозяином мира мертвых, тот не пожелал оставить при себе Хамча Патариша, сказав, что время его еще не пришло. Хамча Патариш стал настаивать, пригрозив, что не вернется в мир живых, если Эл-да не уменьшит на треть бедность людей. Эл-да вынужден был согласиться, но с одним условием: герой должен был подняться в мир Дяле-Малхи и вернуться назад до захода солнца [Ахриев 1875: 35–36].

Свет вечерней зари, посылаемый людям солнцем до своего ухода в потусторонний мир, ингуши называли «свет Хамча Патариша». Поскольку слова «свет» и «душа», 'са', являются в ингушском языке омонимами, этот свет иногда называют «душой Хамча Патариша», бывшего Небесного Быка, добровольно принесшего себя в жертву богу потустороннего мира, чтобы снять с людей часть грехов и вернуть им былую благодать. Этот «прометеевский» мотив является уникальным и не встречается у других кавказских собратьев Хамча Патариша.

О корнях Хамча Патариша

Древние мотивы о просьбе раскаленного докрасна Патариша бросить его в реку с высокой скалы перекликаются с шумеро-

аккадийским мифом, известным также хурритам¹. В этом древнейшем мифе, представляющем собой первый из известных на сегодня «прометеевских» мотивов, раскаленный докрасна герой обращается к людям с просьбой бросить его в реку с высокого берега. Совпадение этих разновременных мифологических мотивов позволяет углубить время деяний ингушского героя до времени действий месопотамских мифических героев. Эта идея подтверждается и именем отца Патариша, Хамача, являющегося, по всей видимости, альтерацией имени «Хамана, хурритского бога грозы, называемого по-другому Тешубом» [Dussaud 1945: 340–341].

Известно, что бог грозы у многих народов Месопотамии и Анатолии фигурировал в виде быка, громом пробегающего по небу. Имя ингушского героя Патариш перекликается с хурритским словом 'петарриш (petarrish)', означающим «бык» и «сын». Оно употребляется у хурритов для формирования теонимов, как 'цлу' и 'ерда' у ингушей: 'петариш Ану-ве (petarrish Anu-we)' или «сын-бык бога Ану» (из молитвы Тешубу-Ададу) [Laroche 1980: 199]. Таким образом, теоним 'Хамча Патариш' может быть переведен как «Сын-бык Хамача», древнего бога грозы.

Теоним 'Хаман' фигурирует также в мусульманской мифологии. Он упоминается в Коране с именами Фиръаун и Къарун, врагами и преследователями Муссы, осмелившимися бросить Аллаху вызов, но жестоко им наказанными. Несмотря на фонетическую близость с арабским теонимом, корни кавказского 'Хамача' являются сугубо локальными. Скорее всего, и к горцам Кавказа, и к арабам этот мифический персонаж пришел разными путями из древней Месопотамии. Ингушский Хамач является древним богом грозы, породившим «Небесного Быка». Следы культа быка у ингушей сохранились также в манере называть ласково подростков словом 'тIара-гI' или 'тIар-гIа' (< хурр. пе-тар-р-иш), означающим «бычок» в значении «сынок».

¹ Эти данные почерпнуты из семинаров по дешифровке аккадских клинописных текстов Жана-Мари Дюрана (Jean-Marie Durand), профессора Ecole Pratique des Hautes Etudes (Сорбонны).

Чтобы увековечить память священного Небесного Быка Патариа, пожертвовавшего собой во имя улучшения доли своего народа, ингуши стали приносить в жертву божеству потустороннего мира Эштару белых быков. Они приносили их в жертву во время поминок и распределяли мясо людям, пришедшим на похороны, до последнего куска. Нельзя было оставлять для себя даже шкуру и копыта. Этот ритуал способствовал переходу освященного быка в потусторонний мир, чтобы он был рядом с покойным и стал бы ему на том свете верным помощником. В настоящее время ингуши продолжают резать быков и коров во время поминок и по-прежнему раздают их мясо, но цвет животного уже не имеет значения.

Кинда Шоа

Кинда Шоа оставил очень мало данных о своих деяниях. Известно, что он происходил из местечка 'Кинда Иамараж' («Озёра Кинда»), носящих имя его отца. Эти озера находятся в горной Ингушетии недалеко от Эги-Кала, рядом с языческим «городком мертвых».

Имя этого мифического персонажа означает «Шоа, сын Кинда». Этимология его затерялась во времени и на современный ингушский язык не переводится. Делались попытки перевести его как «желудок жвачных животных», исходя исключительно из его фонетики — 'шоа' [Мальсагов 1989: 279]. Однако некоторые намеки, сохранившиеся в мифах, где идет речь о деяниях и характере этого персонажа, позволяют разглядеть в нем бывшего в древности бога целителя, бога магии и знаний. Он обладал волшебным кремниевым брусом, способным залечивать раны. Вероятнее всего, этот Нарт-Орхустхой пришел из шумеро-хурритской мифологии. Ибо его имя 'Шоа' совпадает с хурритским словом 'Шу', заимствованным из шумерского и значащим «Маг, Чародей».

Отец Шоа, Кинда (Къинда), связан с потусторонним миром, так как, согласно мифам, он живет около «городка мертвых». Подтверждением его связи с Дяли-Эли является и его имя, со-

стоящее из двух частей: 'къа (къан)', означающей в современном ингушском «жалость, прощение, грех», и 'да', означающей «хозяин, бог, отец». Ингушский термин 'къа (къан)' фонетически и семантически близок к древнесемитскому 'къ(а)н', «плач (над покойником)». Те же значения несут финикийское слово 'къан' и еврейское слово 'къинах' [Dussaud 1945: 374]. Возможно, Кинда являлся у далеких предков современных ингушей одним из божеств потустороннего мира.

У Кинда Шоа была мать — добрая, гостеприимная, но такая сильная, что, сама того не желая, могла сломать кость взрослого человека одним лишь легким прикосновением. Чтобы она не нанесла ущерба здоровью часто навещавших его друзей Нарт-Орхустхой, Кинда Шоа вынужден был заковывать ее в цепи. Хотя и в завуалированной форме, образ матери Шоа предстает как архетип женщины, восходящий к периоду матриархата, когда ведущее место в семье и обществе занимала мать, женщина. Исходя из этой особенности матери можно судить, какой могучей силой обладал ее сын Шоа.

В далеком прошлом, до своего низведения в ранг субальтернов, а затем и полубожеств, Кинда Шоа выполнял, следовательно, роль божества-врачевателя. В братстве воинов Нарт-Орхустхой, находящихся в постоянных сражениях и набегах, он никогда не оставался без дела. Кинда Шоа постоянно залечивал их раны и переломы при помощи своего магического кремниевго бруска: «Стоило его смочить водой и приложить к перелому, как кости тут же срастались» [Далгат 1972: 319]. Придание целительных свойств кремню объясняется тем, что в древности из него производили ножи, которыми врачеватели делали хирургические операции. Вместе с его режущей функцией кремень приобрел в магики-религиозном сознании людей и обратную функцию — закрывать раны и переломы. Следовательно, корни этого бывшего божества восходят к неолиту.

У Кинда Шоа были чудесные синие коровы с белой мордой. Сине-белый цвет животных связывает их, а значит и их хозяина Шоа, с небом и облаками. Эта тема перекликается с темой о серо-белых облаках-барашках, похищенных ингушским Нартом Ку-

рюко у хозяина Казбека, бывшего бога солнца Тха, и сброшенных им на землю для своего обездоленного народа. Сюжет об этих «небесных» коровах повторяется также и в другом мифе, где младший брат Соска Солсы, Сели Пирьюу, присваивает их себе хитростью во время раздела общего имущества. Эти синие коровы с белыми мордами перегонялись бывшими в древности жителями неба — Кинда Шоа, Соска Солсой и Сели Пирьюу — от одного к другому. Синий и белый цвета в мифологии многих народов мира (а особенно древнего) ассоциировались с божественностью, с небом и облаками.

Эти древнейшие мотивы подтверждают, что Кинда Шоа является обитателем пантеона далеких предков ингушей, бывшим покровителем лекарей.

Смерть героев Нарт-Орхустхой

Идя постепенно к монотеизму, ингуши освобождали свои религиозные представления от нагромождения различных культов. Отдаление богов от народа и их возвышение требовали ликвидации тех божеств, которые были ему наиболее близки. Но, поскольку они почти срослись с ним, их удаление требовало чрезвычайных мер. Народное воображение нашло оригинальные мотивы избавления верований от Нарт-Орхустхой.

По наиболее распространенной версии, Нарт-Орхустхой закончили с жизнью, выпив по кубку красной расплавленной меди. Могучий богатырь Соска Солсе не мог умереть даже после трех кубков. Мучимый жаждой, в предсмертной агонии, он просил пробежавших и пролетавших мимо зверей и птиц принести ему глоток воды, чтобы облегчить его страдания: ворона, волка... И только лесной голубь сжалился над ним и принес ему в своих красных башмачках воды. Выпив глоток, умирающий Соска Солса успокоился. Повязав золотую нить на шею этой милосердной птицы, он сказал: «Пусть с этого дня люди называют тебя “голубь Солсы”. А там, где повязана эта нить, пусть вырастут у тебя перышки цвета золота». Сказав это, Соска Солса умер. С тех пор

люди называют лесного голубя «голубем Солсы», вокруг его шейки имеются перышки цвета золота. Голубь, носящий имя героя, помнит о нем и, воркуя, говорит: «Эл кхо Соска Солса, Эл кхо Соска Солса (Для Эла жаль тебя, Соска Солса)» [Далгат 1972: 335].

Таким образом, деятельность полубожеств Нарт-Орхустхой восходит к переходному периоду между бронзовым и железным веками, периоду тесных контактов, как мирных, так и военных, между населением Кавказа и древними народами Месопотамии и Анатолии. Об этом свидетельствуют также археологические данные, «материальные памятники», обнаруженные сравнительно недавно при раскопках в Ингушетии (древние могильники Нестеровки, Лугового, Галашки, Эги-Кала и др.) и в Чечении (в Дуба-Юрте, Галан-Чоже и др.). Это подтверждается также именами ингушских божеств и полубожеств, восходящими к пантеону и языку хурритов и урартов, влияние которых в Анатолии было особенно значительным в конце бронзового и начале железного века. Все это дает возможность говорить о том, что древний Кавказ находился в длительных и тесных взаимоотношениях с этим регионом.

Если герои предшествовавшего века бронзы, века «божественной благодати», такие как Пхъармат и Курюко, были благородными и способными пожертвовать жизнью и свободой во имя благополучия своего народа, то новое поколение эпических героев века железа, Нарт-Орхустхой, стали жить за счет народа, грабя его. Они постоянно беспокоили мир животноводов и пахарей, живших в горах по устоявшимся в течение веков традициям. Чтобы противостоять натиску новой эпохи, породившей дерзких и высокомерных воинов Нарт-Орхустхой, предки ингушей-горцев выдвинули своих защитников — Нарт-Калой, возглавляемых пастухом-титаном и аскетом Калой-Кантом, воплощавших умеренность и стабильность их жизненного уклада¹. Данный мотив перекликается с мотивом шумеро-аккадского мифа, известного также хурритам, в котором жители Урука, уставшие от тирании своего правителя Гильгамеша, попросили

¹ Ср. *infra*: «Калой-Кант, предводитель горцев Нарт-Калой».

богиню-мать создать ему соперника. Она услышала их мольбу и создала Энкиду [Мссаи 1994: 63–64].

Однако в то же время Нарт-Орхустхой воплощали идеальный образ части нового поколения предков ингушей, отмечавших новый этап их исторического и религиозного развития. Старый мир горцев, воспринимавший сначала это новое явление как угрозу своей стабильности, постепенно свыкается с ним и принимает его как неизбежность. Поэтому часто, несмотря на приносимые Нарт-Орхустхой людям горе и страдания, они начинают даже восхищаться их дерзкими вылазками, бесстрашием и удачей. Только Нарт-Орхустхой, представители этой новой эры, были способны подарить необходимые для развивающегося горского хозяйства предметы. Они принесли из мира предков никогда ранее не виданные ингушами сельскохозяйственные орудия: плуг и водяную мельницу. Тогда благодарный народ придал им чувство раскаяния за их недостойные действия и придумал мотив их героической смерти.

Утратив силы в неравной борьбе против верховных божеств, Нарт-Орхустхой решили умереть гордо, оставив миру воспоминания о своих отважных деяниях и героической смерти, чем влачить бесславное существование. Они умирают, выпив любимый в своей прошлой жизни солнечный напиток — расплавленную красную медь. Эти древнейшие мотивы, как и ряд других мотивов ингушской версии Нартского эпоса, уникальны и у других народов не встречаются.

Нарт-Калой, Нарты-горцы

Среди другой группы Нартов, горцев-животноводов, считающихся народными героями [Далгат 1972: 110–112], выделяется их предводитель Калой-Кант, ГалгАевец. Осталось гораздо меньше информации о деяниях его братьев по оружию, к которым относились Ахкыр-Кант (Охкыр-Кант), Гарда Загк, Пхагал-Бяри, Насар, Бийдолг-Бяри, Толам-Аго... Наиболее известным из паредров Калой-Канта является Пхагал-Бяри.

Калой-Кант, предводитель горцев Нарт-Калой

Имя этого ингушского «Энкиду», 'Калой Кант', переводится как «Герой (Богатырь) рода Калой». Бывшее святое семейство Нарт-Калой, олицетворявшее лучших представителей горцев, дало имя горе, находящейся в ГаллГай-че («Стране Ингушей»): Калой-лоам. Она покрыта лесом, где растут платаны и одичавшие яблоны и груши, очень почитавшиеся ингушами.

У Калой-Канта был «верный друг», козел, говорящий по-человечески, которого звали тоже Калой. Козел Калой-Канта носил одно имя с хозяином не случайно. Они оба в далеком прошлом представляли собой культ рогатых животных — козла, тура и оленя — почитавшихся повсюду на Кавказе и сохранившихся до недавнего прошлого в устной народной традиции горных ингушей.

Божество в образе горного тура, представшее однажды в горах перед пастухом Борцем, предком ингушского рода, говорило на человеческом языке. Оно пообещало вернуться однажды, чтобы предсказать судьбу народа. Ингуши придавали козлу сверхъестественные способности. Они считали, что он знал будущее и мог открыть его людям.

Эти мотивы позволяют возвести образ Калой-Канта к отдаленной эпохе, когда божества, имевшие раньше зооморфное обличье, начали приобретать антропоморфную внешность, но сохраняли еще свои прежние черты в качестве своего атрибута — «верного друга» или мудрого «советника». Следы бывшего культа козла или тура сохранились в ингушском языке. Так, представительного человека с отличной выправкой до недавнего прошлого называли 'ка'¹, «тур, кочкарь (с крутыми и крепкими рогами)».

Калой-Кант являлся, следовательно, древним пасторальным божеством: получеловеком-полукозлом. Его вторая сторона воплотилась позже в его «друга», козла Калой. Он обладал чрезы-

¹ Возможно, что ингушское слово 'ка' в древности имело значение «рогач, рогатый».

чайной силой: шестьдесят три Нарт-Орхустхой не могли даже сдвинуть с места поставленный им у входа в пещеру камень. Калой-Кант воплощает в себе типичные черты местного, галгайского, племени. Он предстает как миролюбивый пастух, могущий, однако, в минуты опасности встать на защиту своего народа, своей земли и отразить врага. По народному преданию, Калой-Кант воздвиг гигантские конструкции, чтобы уберечь страну галгаев от нашествий. Следы их можно увидеть у селений Карт и Дошхакле. Е.И. Крупнов и В.И. Морковин считают, что они были возведены в IX–VI вв. до н.э., в эпоху, когда патриархальные основы были еще сильны. Ибо они могли быть сложены только усилиями всех членов рода [Марковин 1969: 42].

Сила тигана Калой-Канта была непоколебимой. Существовал только один способ, который мог ослабить ее, — близость с женщиной. Чем не преминул воспользоваться Соска Солса: по совету Батака Шертако он подослал к нему свою сестру. Эта идея аскетизма, восходящая к древности, связывает Калой-Канта не только с Энкиду, героем аккадского эпоса «Гильгамеш», но и с Самсоном (древнесемитским Шамми), ослепленным врагами-филистинцами, когда он уснул после близости с женщиной [Далгат 1972: 425]. Ослабевший под ласками своей соблазнительницы и связанный своими врагами Нарт-Орхустхой, Калой-Кант смог каким-то образом смастерить свирель из берцовой кости своего «друга», убитого ими в честь победного пира. Он заиграл мелодию, полную меланхолии [Ахриев 1870: 4–7]. Мелодия магической свирели передавала секреты, которые могли услышать и понять только посвященные — члены его богатырской семьи. Эта древнейшая мелодия, названная в народе «мелодией Калой-Канта», известна и любима современными ингушами, которые добавили к ней позже слова. Калой-Кант изобрел для ингушей свирель, как это сделал для греков Пан, такой же получеловек и полукозел.

Культ диких рогатых животных — козла, оленя, тура — почитался ингушами до конца XIX в. Они посвящали богу грозы и молнии Сели шкуру козла с головой. Они прикрепляли ее к шести и водружали у его святилища. Если им удавалось убить

оленя во время удачной охоты, они посвящали его голову с рогами божествам. Они прибавляли ее к стенам храмов или же к стволам священных деревьев. Оленьи рога являлись также излюбленным орнаментом горцев в резьбе по дереву, вышивании, ткачестве и ковроделии.

Культ бога-оленя у предков ингушей датируется началом I тыс. до н.э., временем изготовления бронзовых фигурок оленьей, найденных Л.П. Семеновым во время археологических раскопок в селении Джерах в 1926 г. [Крупнов 1971: 191]. Охота на оленей была лимитирована. Ингуши верили, что семью охотника, убившего оленей больше предписанного, преследовали несчастья [Там же: 129]. Культ оленя широко воспевался в эпосе народа.

Термин 'кало', значивший у прежних ингушей «олень» и «сын», сохранил свои следы в лексемах 'кхал' и 'гал' со значением «лань, самка». Эти формы напоминают хаттскую шумерограмму ^dКАЛ (^dKAL), передающую культ оленя и тура в Анатолии, почитавшихся в каждом местном пантеоне. Корни божества-покровителя оленя в Анатолии восходят к самым отдаленным эпохам, к середине III тыс. до н.э. Бог-олень КАЛ у хаттов, а затем и у хеттов являлся покровителем лесов и населяющих их зверей, как олень Елта у ингушей. Божественный перечень пантеона хеттов, культурных наследников хаттов и хурритов, насчитывает не менее 120 имен различных «рогатых» божеств-покровителей, стоящих за шумерограммой ^dКАЛ.

Калой-Кант является Пастухом-Пастором и антиподом Соска Солсы, охотника и воина, как грузинские Амбри и Амирани [Charachidze 1989: 51–52]. Представляя старый, устоявшийся мир, пастух Калой-Кант воспринимается в сознании ингушей-горцев более стабильным и сильным, чем Соска Солса и Нарт-Орхустхой, племя воинов, находившееся в постоянных поисках добычи. Этот миролюбивый титан был бессмертным и непобедимым, как сам народ. Калой-Кант, его семья и его братья по оружию, Нарт-Калой, символизировали те корни, откуда народ черпал силы для продолжения борьбы за существование в начале века железа, эпохи бесконечных войн. Он воплощал обобщен-

ный образ основателей ингушских родов, возведенных в ранг богов-покровителей. Поэтому горец Калой-Кант и его паредры Нарт-Калой остались с народом и растворились в нем. Тогда как их соперники, плоскостники Нарт-Орхустхой, покинули верования ингушей, когда пришел их час.

Пхагал-Бяри

Пхагал-Бяри («Герой-Наездник Заяц») является довольно активным персонажем в ингушских мифах и легендах, бывшим божеством, ответственным за размножение животного мира. Барон П.К. Услар называет этого героя «Наездник-Заяц» [Услар 1887–1896: 102]. А.О. Мальсагов переводит имя ‘Пхагал’, исходя из народной этимологии, как составное слово: ‘пха-’ («селение, аул») и ‘-гал’ («видеть»). Все имя вместе означает, согласно автору, «Видящий селение», в смысле «Страж селения». Василий Абаев связывает этот древний теоним с иранским корнем ‘бар’, означающим «ехать на коне» [Далгат 1972: 430]. Ингуши очень почитали Пхагал-Бяри и окружали его священными для них объектами: в ГаллГайском ущелье, на берегу Ассы, у него была пещера, башня напротив нее и родник во дворе. Пхагал-Бяри являлся защитником галлгаев, называвших его «отцом Отечества».

Ингушский эпос относит Пхагал-Бяри к роду Барханой, связанному дружескими узами с родом Гаги. Иначе говоря, «Герой Заяц» был особенно почитаем в обществах, где они проживали. Гаги и Барханой, возглавляемые Пхагал-Бяри, зорко охраняли свои земли и никому из иноплеменников не позволяли передвигаться по ущелью Асса без их разрешения. Чтобы Герой мог лучше видеть окрестности, народное воображение поместило его башню на левом берегу Ассы, более высоком, чем правый. По преданию, он проживал в этих горах до прихода ГаллГайского племени [Далгат 1972: 323].

Согласно этой легенде Пхагал-Бяри являлся представителем племени автохтонов, проживавшего в горах до прихода туда

равнинных племен, вынужденных уйти в горы после вражеских нашествий. По преданию, Пхагал-Бяри, Калой-Кант и Соска Солса стали «названными братьями». Однако прежде они прошли через многие столкновения.

Пхагал-Бяри символизирует древнейший субстрат народных героев — мифических предков. В древних религиях и мировом фольклоре заяц занимал значительное место. Бог-Заяц был известен всем древним народам Анатолии, как об этом свидетельствуют теофоры, обнаруженные Эммануэлем Ларошем в хеттских клинописных текстах: LIEVRE-LU, LIEVRE-wa-a-sa¹ [Laroche 1947: 62]. Бог-Заяц существовал и в пантеоне хурритов [Dussaud 1945: 339]. В Национальной библиотеке Франции хранится цилиндр, на котором Бог-Заяц изображен «с телом, выходящим из земли и стоящим между богом грозы [Тешубом], опирающимся ногами на две горы, и его сыном-копыеносцем». Следовательно, связанный с божествами грозы, несущими благодатный дождь, он персонифицировал плодородие.

Заяц, ведущий ночной образ жизни, считался спутником Луны; его способность быстро размножаться ассоциировалась также с благодатной Матерью-Землей. В религии майя божество Луны, оказавшееся однажды в опасной ситуации, было спасено героем-зайцем. В египетской мифологии Озирис фигурировал иногда в образе зайца. У мусульман заяц считался воплощением Али, двоюродного брата и зятя пророка Магомеда.

Мотив о божестве-зайце был известен и ингушам, относившим его тоже к лунным животным. Луна, молчаливая владычица ночи, и бесшумный заяц, живущий в ночном лесу, имели в магико-религиозных представлениях ингушей, как и у всех древних народов, невидимую связь. Способность зайца к смене цвета меха ассоциировалась с бесконечно сменяющимися фазами луны: в религиозном сознании заяц, как и луна, управлял ходом времени. Особенность зайца быстро размножаться очень почиталась: она символизировала богатство и изобилие. Было строго запрещено охотиться на него. Убийство этого

¹ «Заяц Бог», «Заяц Воин (Бог дождя)».

животного воспринималось как негативное вмешательство в процесс размножения живых существ. С развитием религиозных представлений ингушей и под влиянием новых культов почитание зайца уменьшилось, значимость этого «лунного» животного сократилась. Богу-Зайцу была отведена роль второстепенного божества, а затем и просто эпического персонажа.

У поздних ингушей-язычников осталось мало данных о существовании божества луны Гуш-мали и ее земного спутника Зайца Пхагал-Бяри. Однако они сохранили до последних времен некоторые намеки, свидетельствующие о культе зайца в историческом прошлом кавказцев. А.Л. Зиссерман отмечал во второй половине XIX в., что «в Арагве и Аргуне есть много форели и лососины, но Хевсуры до них не охотники. Они также не употребляют в пищу зайцев, птиц и яиц» [Зиссерман 1879: 50]. Такие же воздержания в пище существовали и у ингушей. Полвека спустя после А.Л. Зиссермана, в 1928 г., К.Г. Мартиросян писал, что ингуши не потребляют «мясо медведя, зайца и утки» [Мартиросян 1929: 64]. Тотемный характер зайца и его связь с ночью обнаруживаются и в том, что было запрещено произносить его имя, 'пхьагал', после захода солнца. Ему давали эпитеты «длинноухий, трусливый» [Услар 1887–1896: 430]. Некоторые семьи ингушей до сих пор не едят мясо кролика или зайца, хотя они уже и не могут объяснить почему. Следовательно, такое ограничение существовало когда-то и у чеченцев, потребляющих в настоящее время крольчатину.

Ингушский Пхагал-Бяри и древнесемитский Ум-Пагал

Как практически все обитатели ингушской мифологии, Пхагал-Бяри и его имя связывают Кавказ с древней Анатолией.

Первая часть теонима, Пхагал (Пагал), переключается с древнесемитским словом 'пагал (pah'al)' («жеребец»), как в выражении 'ум пагал (um pah'al)' («мать жеребца») из древнеугаритской

мифологии¹. В пуническом 'паг'ал', в арамейском 'фаг'ал' также означает «жеребец». У ингушей оно стало обозначать «заяц». Изменения и семантические замещения заимствованных слов, относящихся к миру фауны и флоры, происходили во всех языках. Вторая часть, 'Бяри', означающая «Наездник-Герой», связана с древнесемитским словом 'бару (baru)', значащим «сын, самец».

Образ ингушского Пхагал-Бяри перекликается с племенем Ипсы, карликов, действующих в эпосе народов адыгэ. Несмотря на малый рост, они чрезвычайно сильны, отличаются умом, смелостью и выносливостью. Они настолько малы, что используют зайцев вместо лошадей. Ипсы являются замечательными строителями, хорошими животноводами и земледельцами. Иногда они вступают в борьбу против Нартов, но в большинстве случаев живут с ними в мире и дружбе. Брат главного героя Нартского эпоса, Батраз, происходит из племени Ипсы. Однажды Бог наказал их за непослушание, завязав передние лапы их «лошадей», зайцев, которые с тех пор стали передвигаться скачками.

К сожалению, образы Нарт-Орхустхой и Нарт-Калой почти стерлись из народной памяти, а некоторые герои сохранили только имена. Сохранились те персонажи, которые находились в эпическом пространстве ближе к главным героям — Соска Солсе и Калой-Канту — с тем, чтобы оттенить их деяния и окружающую их обстановку. Однако уже то малое, что фольклористам удалось зафиксировать, позволяет увидеть в них промежуточное звено, находящееся между божествами и предками ингушей. Они считались сыновьями Дялы, главного бога пантеона: ингуши называли их 'Дяла-Нарти', «Нарты Дялы». О культе Нартов свидетельствует языческая молитва, записанная Баширом Далгатом в конце XIX в. в горной Ингушетии. Молясь над телом умирающего, ингуши говорили: «Да будешь ты вместе с Дяла-Нарти, с нарт-орстхойцами, с Дяла-Бори, Бори-Бота,

¹ Данные почерпнуты из семинаров по дешифровке клинописных текстов профессора Франсуа Брона (François Bron), проходящих в Ecole Pratique des Hautes Etudes в Сорбонне.

с Дяла-Бораган, с Бораган-Бексулта; вместе с орстойцем Соска Солса и выше Батыга Ширтга!» [Далгат 1972: 58].

Молитва является одной из самых стойких сторон религиозной жизни народа и сохраняет мотивы, идущие из глубины веков. Употребление в цитированной молитве теонима 'Дяла-Нарти', обозначающего фратрию Нарт-Орхустхой, спустившихся в Дяли-Эли после распятия красной расплавленной меди, подчеркивает параллель с названием группы inferнальных шумеро-хурритских божеств Нарата, отправленных в потусторонний мир их «сыновьями» после ожесточенной борьбы за власть на небесах. В ингушской молитве имена божеств в течение веков могли меняться, но название их братства, «Нарти», сохранялось.

Таким образом, имена обеих фратрий нартских героев — Нарт-Калой и Нарт-Орхустхой, их характеристики и деяния позволяют сравнить их с «античными» божествами древней Месопотамии и Анатолии, называемыми 'Нарата (Narata)', согласно дешифрованным Эммануэлем Ларошем, Ренэ Лебрэном и другими исследователями хуррито-хеттским клинописным текстам. Постоянное противостояние двух ингушских божественных фратрий — воинов-плоскостников Нарт-Орхустхой и пастухов-горцев Нарт-Калой — является зеркальным отображением деяний месопотамских (шумеро-аккадо-хурритских) божеств, проживающих на равнине и в горах. Месопотамцы считали равнину местом, где действуют законы богов, а горы — логовом злых сил и демонов. Представителем первых является Гильгамеш, а вторых — Энкиду. У горцев Кавказа (ингушей), наоборот, обоже-ствляемые ими горы являются надежным укрытием, оберегающим их от проникновения негативных сил с равнины, способных разрушить их слаженный многовековой образ жизни. Представителем первых является Калой-Кант, а вторых — Соска Солса. Иначе говоря, Нарты являются реминисценцией отживших свой век богов Месопотамии и Анатолии, пересаженных на почву Кавказских гор и нашедших приют в пантеоне ингушей, мифология которых сохранила древнейшие мотивы, отсутствующие у других северокавказских народов.

Библиография

- Анисимов С.С.* Кавказ. СПб., 1906.
- Арутюнян Н.В.* Биайнили (Урарту): Военно-политическая история и вопросы топонимики. Ереван, 1970.
- Археологические и этнографические разыскания в Ингушии в 1925–27 гг. Владикавказ, 1928.
- Ахриев Ч.* Ингуши (их предания, верования и поверья) // Сборник сведений о Кавказских горцах. Тифлис, 1875. Т. VIII.
- Ахриев Ч.* Несколько слов о героях в ингушевских сказаниях // Сборник сведений о Кавказских горцах. Тифлис, 1870. Т. V.
- Броневский С.Б.* Новейшие географические и исторические известия о Кавказе. М., 1823.
- Далгат Б.* Первобытная религия Чеченцев // Терский сборник. Владикавказ, 1893.
- Далгат Б.* Страничка из Северо-Кавказского богатырского эпоса. Ингушско-чеченские сказания о нартах, великанах, людоедах и героях, записанные со слов стариков-ингушей в 1892 году // ЭО. 1901. № 1.
- Далгат У.Б.* Героический эпос Чеченцев и Ингушей: Исследование и тексты. М., 1972.
- Дахкильгов И.* Мифы и легенды вайнахов. Грозный, 1991.
- Зиссерман А.Л.* Двадцать пять лет на Кавказе, 1842–1867. СПб., 1879.
- Ингушетия и ингуши / Сост. М. Яндиева, А. Мальсагов. Назрань; М., 1999.
- Исследования и материалы по вопросам первобытных религиозных верований. М., 1959.
- Калоев Б.А.* Осетино-вайнахские этнокультурные связи // Кавказский этнографический сборник. М., 1989. Т. IX.
- Крупнов Е.И.* Древняя история Северного Кавказа. М., 1960.
- Крупнов Е.И.* Средневековая Ингушетия. М., 1971.
- Кумахов М.А.* К этимологии имени основного героя адыгского и абхазского эпоса // Сказания о нартах — эпос народов Кавказа. М., 1969.
- Мальсагов А.О.* О нарт-орстхойском эпосе ингушей и чеченцев // Сказания о нартах — эпос народов Кавказа. М., 1969.
- Мальсагов А.О.* Сказки и легенды ингушей и чеченцев. М., 1983.
- Марковин В.И.* В стране вайнахов. М., 1969.
- Мартirosян Г.К.* Нагорная Ингушия // Известия Ингушского научно-исследовательского института краеведения. Владикавказ, 1929. Вып. 1.
- Мужухоев М.Б.* Ингуши. Страницы истории, вопросы материальной и духовной культуры. Саратов, 1995.

- Семенов Л.П.* К вопросу о мировых мотивах в фольклоре ингушей и чеченцев // Академия наук СССР — академику Н.Я. Марру. М.; Л., 1935.
- Семенов Л.П.* Фригийские мотивы в древней ингушской культуре // Известия Чечено-Ингушского научно-исследовательского института истории, языка и литературы. Грозный, 1959.
- Трубецкой Н.С.* Кавказские параллели к фригийскому мифу о рождении из камня (земли) // ЭО. 1908. № 3.
- Услар П.К.* Этнография Кавказа. Языкознание. Тифлис, 1887–1896.
- Цароева М.* Тушоли — последняя богиня-мать Кавказа. Ростов н/Д, 2011.
- Charachidze G.* Promethee ou le Caucase: Essai de mythologie contrastive. P., 1986.
- Dictionnaire des mythologies et des religions des societes traditionnelles et du monde antique / Directeur de la publication Yves Bonnefoy. P., 1999.
- Dictionnaire des religions / Directeur de la publication Paul Poulard. P., 1984. Т. 1–2.
- Dumezil G.* Mythe et epopée. 6-eme ed. P., 1995.
- Dussaud R.* Les religions des Hittites et des Hourrites, des Pheniciens et des Syriens // "MANA": Introduction a l'histoire des religions — 1. Les Anciennes religions orientales, II. P., 1945.
- Klaproth J.* von. Voyage au mont Caucase et en Georgie. P., 1823.
- La Naissance du monde: Egypte ancienne, Sumer, Akkad, Hourrites et Hittites, Canaan, Israël, Islam, Turcs et Mongol, Iran preislamique, Inde, Siam, Laos, Tibet, Chine / Serge Sauneron, Jean Jojotte, Maurice Lambert, et al.; sous la dir. De Marcel Leibovici. P., 1994.
- Laroche E.* Recherches sur les noms des dieux hittites. P., 1947.
- Laroche E.* Glossaire de la langue hourrite. P., 1980.
- Mccaii H.* Mythes de la Mesopotamie. P., 1994.
- Tsaroiéva M.* Anciennes croyances des Ingouches et des Tchetchenes (peuples du Caucase du Nord). P., 2005.
- Tresor de la langue française. P., 1986.